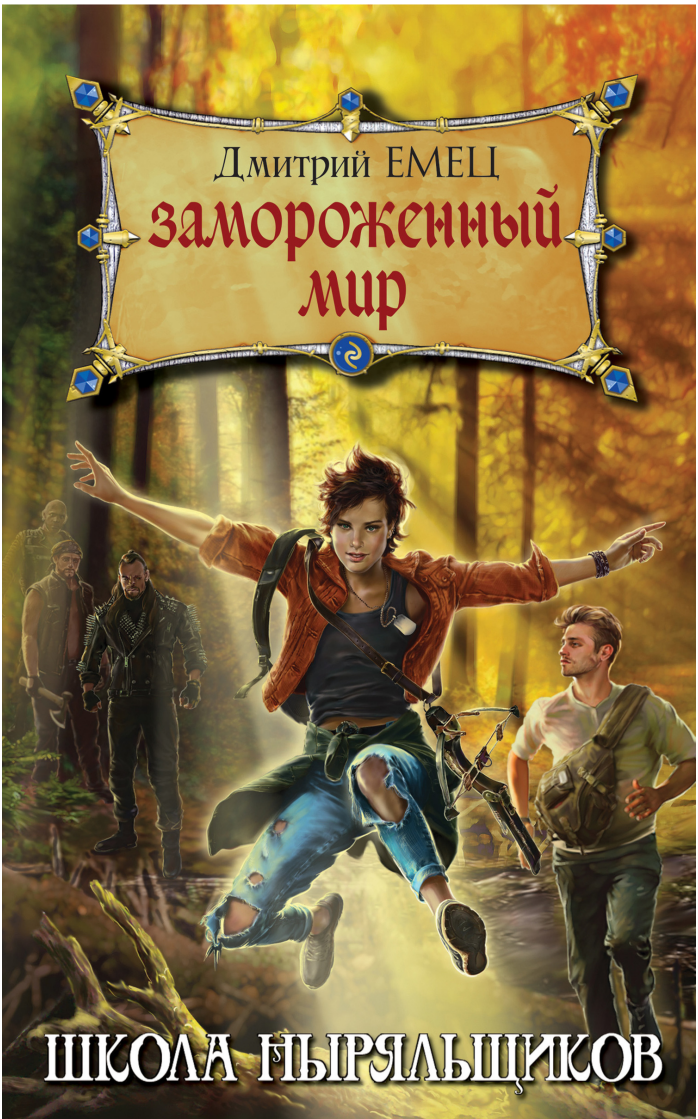
Дмитрий ЕМЕЦ

замороженный мир



ШКОЛА НЫРЯЛЬЩИКОВ

Дмитрий Александрович Емец

Замороженный мир

Серия «ШНыр», книга 10

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41885581
Замороженный мир: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-699-99984-2

Аннотация

Сашка сам не знает, как вышло, что он собственными руками разрушил темницу, в которой вот уже много веков был заточен древний эльб. Но когда перед тобой выбор – помочь человеку, попавшему в беду, или бросить его наедине с его проблемами, то не особо размышляешь, просто делаешь, что просят. Несколько сотен лет назад рогрик, сильный эльб, уже пытался пробить границу между мирами, чтобы в наш мир хлынуло болото. Тогда первошнырам удалось заточить его в Подземье, а теперь темница рогрика разрушена. И он способен проточить ход и впустить в наш мир болото. Можно ли остановить кого-то настолько могущественного и настолько озлобленного?

Содержание

Глава первая 9
Глава вторая 39
Глава третья 55
Глава четвертая 70
Глава пятая 82
Глава шестая 92
Глава седьмая 106
Конец ознакомительного фрагмента. 137

Дмитрий Емец
Замороженный мир

© Емец Д.А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Дорожные знаки разведчика

На земле, снегу, асфальте	На коре дерева, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Иди прямо
					Поворот направо
					Осторожно! Впереди опасность
					Стой! Дальше идти нельзя
					Вода пригодна для пегов
					Воду пить нельзя
4	4	4			Закладка в четырех шагах
					Закладка здесь
					Направ-ление на лагерь
					Привал

На земле, снегу, асфальте	На коре дерева, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Осторожно! Опасность с воздуха
					Территория, защищенная от гиел
					Осторожно! Магическое минирование
					Закладок нет
					Зона последнего поиска
					Пегов не привязывать!
					Прощальный знак шныра, попавшего в беду

Мысль материальна. Но чем обеспечивается материальность мысли? Запечатлевается ли она на бумаге, остается ли в записях, затерявшихся в блоге, сохраняется ли в произнесенных и тотчас позабытых словах? Но если книгу не читают, если строки на экране не всплывают, то мысль как бы дремлет, ожидая своего часа, который, возможно, никогда не наступит. Так это или нет? Или все то, что действительно важно, никогда не потеряется,

не исчезнет?

Из дневника невернувшегося шныра

Глава первая
Глиняная голова, медное пузо

Он огромен, как Вселенная. Все дороги ведут к Нему.

– Почему же Он не слышит наших молитв?

– Он слышит. Но исполняет лишь те из них, которые необходимы. Если бы наши желания сразу исполнялись, мы бы очень быстро охамели. Первое время как-то благодарили бы, с каждым разом все более и более кратко, а потом перешли бы на деспотический тон, как капризные дети со слишком мягкими родителями: «Принеси чай! Унеси чашку! Закрой за собой дверь!»

И тогда дальнейшее движение куда бы то ни было стало бы невозможным.

Из дневника невернувшегося шныра

Мокша Гай стоит на песчаном берегу реки у сосны, половина корней которой нависла над обрывом, и смеется. Колокольчиком заливается. Темные кудри его вздрагивают. Две вещи можно делать бесконечно: смотреть, как Мещеря Губастый работает кузнечным молотом и как смеется Мокша. Слушать его смех можно часами, и когда Мокша замолкает, всем хочется, чтобы он засмеялся снова.

Рядом с Мокшей стоит Митяй Желтоглазый и с недоумением смотрит вслед девушке, которая быстро идет, по-

чти бежит, по дороге к деревне.

– Чего ты? Что она сделала? – с недоумением спрашивает Митяй Желтоглазый.

– Да ничего, – небрежно отзывается Мокша.

– Как ничего? Она к тебе подбежала, что-то в руку всунула – и тикать! – говорит Митяй.

Мокша разжимает ладонь. В руке у него цветок ромашки.

– Да вот, – пожимает плечами он.

– Ромашку тебе подарила? Зачем?

– А кто ж ее знает? Видать, девать некуда было! – ухмыляется Мокша и небрежно бросает цветок с песчаного обрыва.

Глупые они все, эти девушки! Ломаются, краснеют, притворяются, что не замечают тебя, смотрят издали или подходят близко. Молчат или болтают. Дразнят, обижаются, задыхаются от слез, требуют с тебя обещаний и обещают сами. Да, раньше это бывало приятно! Все эти темные ночи, дальние костры за рекой, звуки доносящихся песен. Но это было раньше! Эх, если бы Митяй и все остальные знали, насколько мало его теперь интересуют девушки и насколько больше удовольствия может доставить эльб! Зарываешься в него как в подушку или кладешь себе на грудь – и вот оно, настоящее блаженство, затапливающее, всецелое, о котором никто больше не знает!

Митяй смотрит на Мокшу с укором. Ему не нравится, что Мокша выбросил цветок.

«Ага, завидуешь! Небось тебе б ромашку подарили – ты б в нее клещом вцепился!» – думает Мокша снисходительно.

Митяй некрасивый, лицо широкое. Над переносицей смешные бугорки, редко поросшие бровями. Да и ведет себя Митяй с девушками глупо, неумело. Когда нужно согласиться и поддакнуть – начинает спорить. Когда нужно приласкать – дичится. А то просто сидит и молчит как сыч. Даже рябая дочь гончара, самая непритязательная из деревенских невест, не выдержала общества Митяя больше недели.

– Ой не могу! Моченьки моей нет! Лучше за пастуха кривого пойду, чем за этого! – сказала она как-то вечером матери.

– Тебя, балаболку, и кривой не посватает, – сердито отозвалась мать.

Ей Митяй нравился. Он целый месяц учился у гончара делать горшки. Порвется ли в последний момент неумело вытянутая стенка или лопнет в печи – Митяй только вздохнет и начнет все сызнова. Терпеливый. Только вот все выспрашивает, какую глину взять, чтобы горшок вышел побольше и попрочнее. Можно подумать, на века хочет горшок сделать. Да разве горшки бывают на века? Горшок – от ярмарки до ярмарки, сроду так велось.

Мокша идет в пегасню. Сегодня он собирается нырять на Игрунье. На Стреле Мокше нырять как-то неудобно с тех пор, как он отдал ее жеребенка эльбу. Конечно, Мокша ни в чем не виноват. Не он же его убил, но все равно как-то

не хочется ему нырять на Стреле. Ну ее. Смотрит, глупая кобыла, будто что-то понимает и в чем-то его укоряет.

Теперь Мокша ныряет на Игрунье. Хотя разве это ныр-ки? В последнее время он перестал пробиваться даже за Первую гряду. Даже на прииске Скал Подковы, где он прежде безмятежно засыпал под сосной на долгие часы, ему теперь жарко. Копнет десяток раз – и уже весь мокрый. Стоит дышит, вытирает пот.

Игрунья рада Мокше. Вскидывает голову ему навстречу, нетерпеливо переступает. Он треплет ее по шее. Быстро и умело седлает, взлетает – и вот уже несется к земле, ожидая мгновения, пока кобыла обхватит его своими крыльями и он сольется с ней в единое целое. Нырять Мокша не боится. Страшен ему был только первый нырок, когда он был уверен, что разобьется вдребезги. Дрожал, откладывал, трясся. Но тогда он верил Митяю. А сейчас дружба дала трещину. А все от зависти, которую испытывает Мокша. Он знает, что Митяй ныряет теперь ко Второй гряде и подолгу ее изучает. Возвращается измотанный, с запавшими глазами, ввалившимися щеками, но наполненный неведомыми тайнами. О своих открытиях ничего не говорит. Уронит порой что-то непонятное – и замолчит. Знает, что все равно не поймут. Есть вещи, которые может открыть только сама Гряда. Словами их не объяснишь.

И другие шныры ныряют пусть не так далеко, как Митяй, но тоже в Межмирье. И Тит Михайлов, и Маланья

Перцева, и даже Кика Златовласый. Этот Кика злит Мокшу больше всех. Всякому известно, что пчела прилетела за Кикой по ошибке. Большего зубоскала во всем ШНыре не сыскать. И даже этот зубоскал Кика легко перелетает Первую гряду. Говорит, что в скальных трещинах сверкают искры живых закладок. Врет, конечно.

Ну зачем пчела призвала Кику? За какие заслуги? Был как-то Мокша на княжьем дворе, видел у персидского посла зверя диковинного. Имя тому зверю опица. На беса похож с хвостом, да только без рогов. Бегает по плечам у посла, кривляется, орехи грызет. Вот эту бы опицу скалозубую пчеле позвать вместо Кики – и то бы лучше.

Мокша летит по дряблому Межмирью. Другие обычно набирают здесь побольше воздуха, Мокша же, напротив, все больше привыкает к запахам болота. Если узнать их получше, они, пожалуй, даже приятны. Да, поначалу перехватывает дух, точно ты провалился в старую выгребную яму, слезу вышибает, начинаешь задыхаться, кашлять. Но это поначалу, а там эльбы такое тебе покажут, что уже не думаешь о вони.

Вот и сейчас, нырнув в проточину в болоте, Мокша осторожно втягивает ноздрями щекочущий запах – и сразу же видит своего врага Кику, который, прокравшись, старается подпороть ножичком кожу на новом седле Мокши. При этом Кика стоит очень неудачно. Достаточно ногой его слегка толкнуть, чтобы он опрокинулся. Правда, для этого

нужно вытащить ногу из стремени.

Мокша усмехается.

– Ну не ослы ли? Вначале ногу из стремени, потом внушат, что нужно повод отпустить, – и вот ты уже засел в болоте! А там и Кика окажется не Кикой и высосет тебя до капли! – говорит он Игрунье.

Кобыла несется по проточине. Вокруг все кипит. Эльбы прилипли к стенкам серыми блинами. Некоторые паутинки протянулись поперек. Ну ничего, эти Игрунья разорвет грудью. Другие свободно трепещут в воздухе. Эти самые опасные. Они долго тянутся за тобой и как-то так вплетаются в твои мысли, что не отличишь, где свои, а где чужие. И не заметишь, как тебе покажется, что тоннель впереди искривился или навстречу несется другой шныр! Встречный, который с двушки возвращается! Дернешь в панике повод, чтобы не залипнуть, – и прямиком окажешься в болоте.

Но Мокша и такого обмана не страшится. Отличать свои мысли от чужих, охотничьих, Мокшу научил его эльб. Боится, как бы не засел Мокша в болоте, не достался его голодным братцам. Слишком еще зависим он от Мокши, слаб, человеческий мир ему непривычен. Ползает эльб еле-еле, за час едва одолеет полсотни шагов, да так устанет, что распластается по земле и дрожит.

Ожирелый, похожий на срез несвежего сала, эльб таится в старом бочонке в подвале. Мокша надеется, что никто в тот подвал не спустится. Подвал заброшенный, сырой,

на стенках многолетняя плесень. Ночами Мокша спускается в подвал и сразу бежит к элю. Пальцы его трясутся от нетерпения. Эльб вначале посылает ему волну поощрения – не слишком сильную, чтобы не выжечь Мокшу, а потом уже учит его. С Мокшей он возится почти любовно. Хотя кто-то, возможно, скажет, что любовь – это деятельность, направленная на благо, а для эльба Мокша – и нянька, и добыча, и инструмент, и раб, и слуга. Точно царь с единственным подданным. Только от Мокши эльб зависит. Погибнет Мокша – погибнет и жирная медуза в бочке.

Но как быстро Мокша стал обучаться! Новые знания схватывает на лету. И тело его изменяется. Он может неделями не спать и не есть, а в кулачном бою дважды прошел сквозь стенку здоровенных приказчиков из мясного ряда, не пропустив ни одного удара, даже не взмокнув. И долго потом лицемерно благодарил пыхтящего, многочисленными ссадинами покрытого Гулка Ражего за то, что тот его «оборонил».

Игрунья спешит, загребает крыльями как веслами, взмокла вся от усилий. Ей не нравится, что хозяин то и дело намеренно задевает паутинки ладонью и при этом хохочет как безумный, наслаждаясь тем, что не поддался на ловушки эльбов. Игрунья – пег. Ею управляют простые инстинкты. Есть, спать, избегать опасностей, зачать и сохранить жеребенка. Болото для нее смерть, и разбираться в его тайнах она не пытается.

Но вот уже впереди забрезжила светлая точка. Игрунья издает радостное ржание. Она выходит из тоннеля, оказывается у накрененных сосен в предрассветье и нетерпеливо устремляется к гряде, где на горных полянах такая вкусная трава, но Мокша властно натягивает поводья, и, ощутив боль от удил, кобыла повинуется.

Они садятся. Тут тускло, темно, и запахи болота сильны. Это еще явно и не двушка, а какое-то предожидание. Точно холодной зимой видишь набухшую на ветке почку. Почка уже чувствует весну, а ты еще нет.

Мокша стреножит Игрунью и привязывает ее к кривой сосне с сухой вершиной. Сосна так устала тянуться к центру мира, что высохла. Живых сосен здесь единицы, они начинаются дальше. Мокша задумывается. Что-то у него не стыкуется. Значит, прежде света тут было больше, если сосны вообще смогли вырасти? А если больше, то получается, что болото наступает? Интересно, прав ли Митяй, когда утверждает, что и сюда когда-то хлынет прорвавшийся из-за гряды свет, а не только далекие его отблески?

– Вечно Митяй… «Митяй сказал», «Митяй сделал»… Да пошел он! – недовольно морщится Мокша, не замечая, что разговаривает сам с собой.

Он медленно прохаживается по земле, покрытой хвоей и отслоившимися кусками коры. Здесь приграничье, и как во всяком приграничье – острое ощущение тревоги. Разделяющая черта между двушкой и болотом – странная черта.

У нее свои законы. Например, невозможно коснуться границы. Ощупать ее как стену, как реальную преграду. Границу можно преодолеть только с разгона, иначе будешь бесконечно вдвигаться в ночь, все более густую, непроглядную, но стены так никогда и не коснешься, не нашаришь.

Мокша долго не понимал, как такое может быть, – что граница есть, а ее нет, – пока Сергиус Немов не объяснил ему.

– Смотри! – сказал он, поводя длинной тощей рукой сверху вниз. – На пеге ныряешь, в землю врезаешься – где ты?

– В дряблом мире!

– А если просто землю лопатой копать? В том же самом месте!

– Колодец! – отвечает Мокша.

– Куда колодец? В дряблый мир?

– Да нет, просто колодец. Темно, мокро, вода сочится.

– Вот и на двушке то же самое. На пеге летишь – в следующий мир переходишь, а оттуда в наш возвращаешься! Пешком идешь – так и будешь вечно брести. Темно, сосны больные торчат, а дальше, наверное, и вовсе сосен нет.

– А пег почему этот участок минует? – пытается все понять Мокша.

– Пеги нас сразу в предрассветье переносят. Не любят они во мглу эту летать. Чуют они там что-то.

– Разве на двушке может что опасное быть?

– Да кто его знает, что там в ночи водится! Там, конеч-

но, двушка, но вроде как и к болоту уже близко, – отвечает Сергиус.

Сейчас Мокша долго переминается с ноги на ногу, размышляет, а затем решительно идет в сторону болота. Так решительно идет, что всякий бы ощутил, что настоящей решимости у него нет, и цели тоже. Скорее страх, что он потеряет Игрунью, не сможет вернуться и навсегда останется в этой зябкой ночи, вдали от своего дарящего пьянящее счастье эльба.

Но все же Мокша шагает, сам не зная зачем. Тьма сосет. Он ничего уже не видит, хотя напрягает зрение, и каждую секунду ему кажется, что он сорвется с крутого обрыва в пропасть. С какого обрыва? В какую пропасть? Это, конечно, бред, но все же Мокша шарит перед собой руками и, нервничая, облизывает губы.

Сосны становятся все реже, почти исчезают, но все же временами он наталкивается на поваленные стволы и торчащие из земли пни. Уже после полусотни шагов Мокша борется с желанием повернуть назад. Странная история! Вроде бы ты уже твердо считаешь себя частью болота, но одновременно так и тянет тебя двигаться к рассвету, туда же, куда тянутся и вершины сосен.

– Надо отдохнуть! – говорит себе Мокша и ложится на землю. При этом он старается улечься головой к болоту, чтобы ноги смотрели в сторону, где он оставил Игрунью. Так проще будет найти дорогу назад. Под ним пружини-

стая хвоя. Мокша закрывает глаза. Одно ухо его лежит на хвое, улавливая все звуки. Что-то скребется, шуршит. Где-то трутся ветви.

А потом Мокша начинает слышать голоса. Тихие, бормочущие. Голоса уходят в ночь. Слов разобрать нельзя. Мокша отрывает ухо от хвои. Голоса пропадают. Опускает ухо на хвою. Голоса возвращаются.

Наконец он понимает, что это эльбы разговаривают с ним из болота. В неразличимых их голосах – зависть. Мокша чутко улавливает ее.

– Пусть я и на краю двушки, но я на двушке! Они бы тоже хотели пробиться сюда, или на худой конец меня к себе затащить! – говорит он себе и засыпает под шорох далеких голосов.

* * *

Вечером Мокша возвращается в ШНыр. Оврагами летит, к лесным вершинам липнет, чтобы не перехватили его в небе чьи-нибудь случайные глаза. Только самого ШНыра чужакам видеть нельзя. Взглянут издали и, если чудом и заметят крышу, мигом потеряют интерес. А вот крылатую лошадь в небе углядеть – дело иное. Ладно бы просто смотрели. А был уже случай, как из лука кто-то выпалил по Гедемину. Померещилось сокольничему князя, что смерть за ним прискакала на вороном красноглазом коне. Черные кры-

лья распростерла. Ну он и пустил стрелу. Хорошо еще, промазал с перепугу, только маховое перо жеребцу подломил.

Пустырь, где они не так давно отстроились, больше не кажется шнырам безопасным местом. Кругом все кипит, заселяется, глотает Москва пустошь за пустошью. Беспокойно тут стало. Принял решение Митяй, что переселятся они за дремучие леса, подальше от городских стен. Редко там кого встретишь, надолго оставят их в покое. С Сергиусом Немовым переговорил, с Титом Михайловым, с Мещерей Губастым совет держал. Выслушал ворчание Фаддея Ногаты, которому хоть самородок золотой дай, а все равно доволен не будет – только в тряпочку его завернет и глазом из-под бровей зыркнет. Час-другой посидит как сыч, а после окажется, что и самородок не такой, и тряпочки нынче дороги.

Но все же сдвинулось уже что-то, и потихоньку, украдкой постукивают на новом месте топорики. Скоро все будет, скоро. Пока же основная шныровская база еще на пустыре. Издали видит Мокша несколько прижавшихся друг к другу крыш. Как же мал еще ШНыр! С земли за несколько минут его кругом обойдешь, а с неба и вовсе пальцем прикроешь. А вот самих шныров с каждым годом все больше. Гудит пчелиная колода, вылетают из колоды золотыми искрами новые пчелы, каждая ищет себе хозяина. Нет-нет да и постучит в ворота ШНыра новый человек. А то и постучать не осмелится – стоит и смотрит издали, а подойти

страшится. Фаддей ему строго:

– Чего явился? Чего у нас забыл? – Он любит новичков-то пугать!

А тот пугается, бормочет что-то невпопад. Мол, искал я, дяденьки, корову, а тут пчела на руку мне и сядь! Прихлопнуть хотел – не прихлопывается. В печь сунул – ей опять ничего, а только вертится и точно куда меня зовет.

– И ты за ней, что ли, пошел?

– Да, дяденьки! Пошел!

А дяденькам-то самим чуть за двадцать. Разве что Фаддей бородой оброс, старше кажется.

А некоторые новички и вовсе не догадываются за пчелой идти, так себе и живут. Делать нечего: посылает за ними Митяй Кику Златовласого и Гулка Ражего. Хороша парочка! Кика врать мастак. Рта часами не закрывает. Любую торговку с рынка переговорит: она слово – а он ей десять. Гулк же – измятый, мрачный – сидит на лавке, подсунув под себя руки, сам ни гугу и только через перебитый нос воздух втягивает. Сколько уж раз их за разбойников принимали. У ночных гостей вечно так: один болтает да высматривает, а другой кистенем машет.

Поначалу Фаддей Ногата выживал новичков, ругался, утверждал, что не прокормить им такую ораву, но Митяй сказал: «У тебя вечно то рожь дорогая, то репа не уродилась!» И Фаддей уступил. Теперь многие новички уже сами ныряют, а кое-кто и закладки приносит. А вот Мокша…

Эх! даже думать об этом страшно! Кулаки сжиматься начинают!.. Не пускаешь меня за гряду? Ну и не пускай! Попомнишь еще меня!

И опять любовь, зависть, ненависть к Митяю, к двушке, ко Второй гряде сливаются в единое, страшное, уродливое чувство, затягивается тугой сердечный узел. Никогда его уже не развязать.

Мокша отводит Игрунью в пегасню и, едва стащив с нее седло, бежит к своему эльбу за утешением. Страсть несет его. Себя он не помнит, точно и не он это. Ложится на постеленный у бочки лапник и вываливает эльба себе на грудь. Эльб рыхлый, тяжелый, в подвале вонь – но все это имеет значение лишь в первые секунды. Потом забвение и – жгучее, тошнотворное, стыдное, но счастье!

Наконец Мокша возвращает эльба в бочонок и идет на реку купаться. Ныряет, трется песком, полощет рубаху. А то Маланья Перцева в последний раз долго принюхивалась, подозрительно косилась. Потом сказала:

– А, так вот куда он делся!

– Кто? – не понял Мокша.

– Да утром у пегасни крот дохлый валялся. Раскис весь, близко не подойдешь. А теперь я поняла, кто его похоронил! Молодец!

Теперь Мокша старался тщательней мыться после своих объятий с эльбом. Вернувшись с реки, Мокша видит на пригорке Митяя. Тот сидит на солнцепеке, недалеко от ко-

лоды с пчелами, и палочкой что-то чертит на песке. Мокша присаживается на корточки. Видит голову-горшок, под головой огромный котел. Внизу ноги-оглобли, по бокам руки-коромысла.

– Что это? – спрашивает Мокша.

Митяй задумывается. Он не знает, как определить то, что нарисовал. Мыслей много, но они пока не сдружились между собой, разбегаются.

– Да вот! – говорит он смущенно. – Я у Второй гряды сегодня заснул!

– Где-где заснул? – быстро переспрашивает Мокша. В душе у него шевелится червячок неприязни. Выходит, пока он спал у болота, Митяй отдыхал у Второй гряды!

– И привиделся мне зверь не зверь, человек не человек! Второй раз уже приснился. Первый раз давно, когда я к гончару ходил. Сделать его теперь хочу! Пусть колоду с пчелами охраняет! – Митяй смотрит на свой рисунок, палочкой добавляя детали.

– От кого охраняет? – настораживается Мокша.

– Да мало ли что стрястись может. – Митяй созерцает свой чертеж. Добавляет длинный, во весь горшок рот и два выпуклых глаза. – Я назову его как то чудище, которым детей пугают! «Доедай, сынок, кашу! Не доешь кашу – тебя котел проглотит!»

– Горшеня, что ли? В сказке все не так, – возражает Мокша, но Митяя не переупрямишь.

– А мне так рассказывали! – не соглашается он. – Мой Горшеня тоже будет всех глотать! Я знаю, как сделать, чтобы он ожил!

Митяй нетерпеливо потирает руки. Ему приятно представлять, как его здоровенное чудище будет всех хватать руками-коромыслами и как все будут с визгом разбегаться. Он веселый, Митяй, любит всякие озорства не меньше Кики.

– И как ты его оживишь? – спрашивает Мокша. Вроде бы недоверчиво спрашивает, но недоверие его с трещинкой. С Митяем вечно так: у него слова с делами не расходятся.

– Оживлю! – убежденно говорит Митяй. – И глину, и руду медную на двушке возьму, у Второй гряды. С глиной все просто, а вот с рудой побольше возни будет. Ее выплавлять надо. Да, может, там же и выплавлю, где волшебные фигурки выплавлял. Управлюсь! – Он опять утыкается в рисунок.

– А как ты котел с двушки перевезешь? Он же огромный будет! – спрашивает Мокша.

– Это верно, – соглашается Митяй. – Тогда я только медь на двушке выплавлю, а котел уже здесь отолью. Потому что руду с собой таскать не дело. Из мешка руды меди, может, с три кулака выплавится, а пегу этот мешок хребет сломает! – Митяй горкой насыпает песок, придавая своему рисунку объемность. – Котел и голова – это навеки! – говорит он с гордостью.

Мокша и здесь пытается отравить его счастье:

– А коромысла и оглобли?

– Ну эти, ясное дело, изотрутся. Ну да поменять дело нехитрое. И хорошо бы еще в тулуп бараний его одеть. Пусть и зимой и летом в тулупе ходит! А со временем не мы, так другие тулуп этот поменяют.

– А мы почему не поменяем? – ревниво спрашивает Мокша.

– Да как же? – удивляется Митяй. – Не просто же так пчелы новых и новых все время зовут. Нам не вечно жить. И после нас ныркн не прекратятся!

Мокша ударяет по песку. Песок осыпается.

– Эй! Осторожно! Ты стираешь рисунок! – огорченно восклицает Митяй.

– Не хочу стареть! Не хочу свое место никому уступать! Всегда хочу жить! – говорит Мокша.

Челюсть у него дрожит, голова вскинута, в глазах слезы. Митяй смотрит на него с удивлением.

– Но послушай! Если ты не постареешь и не умрешь, то потом не оживешь! Слышал, что в церкви говорят? – возражает он.

– А вдруг это ложь, что мертвые когда-то из праха восстанут? А если их, как деда моего, медведь заел? По лаптям только и узнали. Из медведя он, что ли, возродится? Я хочу быть вечным прямо сейчас! Вовсе не умирать! – упрямо повторяет Мокша.

И ему, и Митяю еще очень далеко до старости, но Мокша

уже сейчас ее ненавидит. Не хочет ковылять, охать и держаться за пояснищу. Мокша очень дорожит своей внешностью. Еще в детстве ему казалось, что если на зубе у него будет хоть пятнышко, то это все, конец. Дальше и жить не надо. А вот Митяй, кажется, и не подозревает, что о теле нужно постоянно заботиться. Он как-то помимо тела живет, разве что кормит его по необходимости.

– Не умирать? Но ведь это была бы не настоящая вечность! – возражает Митяй.

– Как – не настоящая?

– Сам подумай! В настоящей вечности мы сможем ходить по воде. Не будем бояться огня. Будем говорить с животными и птицами на их языке! Скажешь соколу: прилети – и вот он сидит у тебя на руке! Но для этого нужно довериться… раствориться до полного забвения… Полюбить что-то больше, чем любишь себя!

Митяй нашаривает слова старательно. Шевелит пальцами. Он не оратор. Но Мокша понимает все с полуслова. Вбирает жадно и все запоминает.

– А вдруг так не будет? – спрашивает Мокша. – Вдруг это все сказки?

– Не сказки! Не знаю, как объяснить, но я чувствую, что все так и будет! Ну как если бы я стоял на высоком пне. Ты сказал бы «Падай!» – и я стал бы падать затылком вперед, зная, что ты меня подхватишь, потому что это ты сказал!

Мокша смущается. Он и не подозревал никогда, что Митяй настолько ему доверяет.

– А твоя вечность была бы такой? С языком птиц? С хождением по воде? – спрашивает Митяй.

– Да меня бы любая устроила! – отзывается Мокша. – Но прямо сейчас! И чтобы не умирать!

– Но ты же знаешь, что есть двушка и Вторая гряда! – удивляется Митяй. – Ты сам их видел! Своими глазами! Через болото проходил! Тебе-то как не верить?

Мокша хмыкает:

– Болото есть. Вторая гряда тоже. Но на ней камешками не выложено, что я оживу и пойду по воде.

– Оживешь! – обещает Митяй. – Я же тебе рассказывал! Там за грядой однажды вспыхнет новое солнце. И будет оно как белый прозрачный огонь. Разольется он волной высокой, неостановимой. Затопит накрененные сосны, испепелит болото и перейдет оттуда и на наш мир. И будет этот огонь живящим, обновляющим. Костей коснется – оживут. Праха коснется или даже вод морских – и оттуда поднимутся. И будут одни страшно этого огня бояться и заслоняться от него, а другие станут ему радоваться. И будет он им как ветер прохладный.

– Это как огня не бояться? Ты не боишься? Сунь палец в печку! – коварно предлагает Мокша.

– Сейчас – да, сгорит, и уголька не останется, – соглашается Митяй. – А потом не сгорит! Знаешь, какими мы ста-

новимся, когда границу миров проходим и пег нас крыльями обнимает? Я как-то шильце с собой взял, в ногу себя кольнул – так согнулось шильце. Понимаешь? Шило согнулось! Значит, и стрела бы меня в эту секунду не пробила, хоть в полный натяг бей.

Мокше становится досадно, что до опыта с шилом первым додумался Митяй, а не он. Митяй вечно так: подумал – и сделал. Причем так, мимоходом. Даже ведь и не рассказал никому, только сейчас упомянул, потому что к слову пришлось.

– Так что же там, за Второй грядой? – спрашивает Мокша, желая узнать точно и наверняка. Он задавал этот вопрос часто, но есть вопросы, ответы на которые хочется слушать бесконечно.

– Замороженный мир. Мир, напрягшийся в ожидании.

– И чего он ждет?

– Нас. Пока мы будем достойны. Такой прекрасный, что описать его нельзя, потому что это будут слова нашего мира. Ну как можно описать запах тому, кто никогда не имел носа? Или зрение, если ребенок родился без глаз?

Мокше не нравится название «Замороженный мир». Какой же он замороженный, когда он живой, трепещущий? Но Митяй так сказал. Видимо, «замороженный» это как Спящая красавица из сказки. Хочешь не хочешь, а представляешь ее покрытой легкой изморозью. Пока не коснешься губами – не пробудится. Хотя бабочки вон летают же из-за

Второй гряды, не спят.

Митяй смотрит на поврежденный Мокшей рисунок, берет палочку и там, где медное чрево великана оплыло от стекшего песка, рисует большую дугу, делая его живот еще круче.

– Теперь здесь и двое, и трое поместятся! И еще такая штука! Мой Горшеня будет глотать только тех, кого любит!

– Почему? – спрашивает Мокша.

– А потому что внутри у него будет спрятана тайна! – загадочно отвечает Митяй.

Тайна внутри Горшени захватывает Мокшу. Ему тоже хочется стать ей сопричастным. Хочется радоваться этой тайне, радоваться Горшене, золотым пчелам, быть вместе с Матреной, с Титом Михайловым, с Сергиусом Немовым! Ничего ни от кого не скрывать, стремиться к чему-то огромному, светлому, дарящему надежду… Он так бы и жил, но что-то ему мешает.

– Слушай, Митяй! – говорит Мокша, испытывая внезапное искушение. – А вот представь, что перед тобой лежал бы эльб – маленький такой, беззащитный. И тебе надо было бы ударить его лопатой! Ты бы ударил?

Митяй не раздумывает:

– А кто велит?

– Ну, допустим, двушка.

– Ударил бы, конечно!

– Но почему?!

– Без «почему». Раз двушка велит лопатой – значит, надо лопатой. Тут нельзя рассуждать, и жалеть нельзя. Иначе запутаешься. А там порыв ослабнет – сдуешься, дашь себе мозги закрутить – и вот тебя уже сожрали.

– Да! – говорит Мокша. – Мозги закрутить. Это ты верно.

Мокша представляет, как вытряхнет из бочонка сытого эльба. Как возьмет лопату, размахнется и разом со всем покончит. Может, позвать с собой Митяя? Рассказать ему всю правду. Конечно, это будет стыдно, но Митяй поймет. И эльбу тогда уж не отвертеться. Конечно, Мокше будет потом плохо. Все его дары исчезнут, но со временем он опять сможет нырять, как и прежде. Сосна за сосной, шаг за шагом – все ближе к сердцу двушки! Ведь и сейчас двушка его впускает.

Мокша уже открывает рот, но что-то мешает ему произнести слова признания. Стыд! Нет, он справится с эльбом сам! Не надо, чтобы другие узнали. Ведь и Кика тогда пронюхает, станет дразнить… Мокша люто ненавидит его в эту минуту. Ему кажется, что не будь Кики, он давно бы уже прикончил эльба и давно был бы уже за грядой. Он и Митяй! Они летели бы вместе! Или даже Митяй чуть позади, а он, Мокша, чуть впереди!

Простившись с Митяем, Мокша мчится в подвал. В руках у него лопата. Решительным пинком опрокидывает бо-

чонок. Эльб вываливается из него, рыхлый и слабый. Ему и одного тычка будет довольно. Эльб понимает это и не шевелится, не пытается уползти. Мокша смотрит на него, представляя, как сейчас его прикончит. Давно пора уже ударить, а он все медлит, мнется, облизывает пересохшие губы, а потом, без всякого заметного перехода, почти без внутреннего сопротивления, ложится прямо в грязь и опускает эльба себе на грудь.

Потом встает и, шатаясь как пьяный, бредет в пегасню. Гулк Ражий лежит на соломе у входа и храпит. Хорош сторож! Когда Мокша переступает через него, Гулк начинает приподниматься.

– Кто здесь? – спрашивает он, тараща глаза.

– Просыпайся! Работать пора! – кричит ему Мокша.

Гулк тупо смотрит в темноту и падает как подкошенный. «Просыпайся!» – лучшее усыпительное слово. Если хочешь, чтобы человек спал, – произнеси его.

Мокша заходит в пегасню и, натыкаясь в темноте на морды пегов, идет к Игрунье. Седлает на ощупь. Потом выводит Игрунью и летит навстречу луне как ночной мотылек, а с ним вместе к той же луне, кружа, летят и настоящие ночные мотыльки. Для них луна – это возможность встретиться друг с другом. Для Мокши… Он и сам не знает, зачем и куда сейчас летит. Что-то ведет его. Впервые в жизни он чувствует себя лишенной воли марионеткой.

Когда нужная высота набрана, Мокша припадает к шее

Игруньи и чуть ослабляет поводья. Игрунья складывает крылья и начинает скользить вниз. В груди Мокши все замирает. Он не видит земли и боится разбиться. К счастью, Игрунья обхватывает его основаниями крыльев, и, в последний момент обретя плотность, он ухает в землю как в трясину.

Болото проходит легко – и вот он уже на двушке. Игрунья с радостным нетерпением устремляется к гряде, но Мокша натягивает поводья и направляет кобылу к земле. Игрунья упрямится, но Мокша прижимает ее к соснам. Почти брюхом укладывает на склоненные вершины. Здесь он разворачивает Игрунью и медленно, чтобы она не ушла в обратный нырок, начинает подводить ее к болоту.

Они летят из рассвета в ночь. Вдвигаются в полумрак. Игрунья упрямится, похрапывает, пытается развернуться. Мокша больно и сердито бьет ее пятками. Жалеет, что не взял с собой хлыст. Они летят над теми мертвыми землями, где накануне утром он шел пешком. Здесь уже царство ночи. Запахи болота усиливаются.

Игрунья окончательно перестает его слушаться и садится. Привязать кобылу не к чему. Еле-еле Мокша находит какой-то трухлявый пень. Игрунья нервничает, прядет ушами, переступает копытами. Мокша поглаживает ее по шее, успокаивает. Кобыла мелко дрожит.

– Чего ты боишься? Нет тут никого! – говорит ей Мокша.

Не доверяя пню, он с особой тщательностью привязывает кобылу, дополнительно стреножит и закрепляет на крыльях путы.

– Жди меня! Я скоро! – обещает он, в качестве утешения ослабляя кобыле подпруги. Ему слегка неловко перед Игруньей. Нырок на двушку для пега всегда праздник. Здесь можно попастись, поваляться, искупаться в реке – а он посадил ее в холодном темном лесу, да еще всю опутал.

Игрунья тянет ему вслед морду. Ржание ее полно боли и беспокойства. Мокша даже оглядывается, проверяя, не случилось ли чего:

– Да что с тобой? Успокойся!

Мокша идет в сторону болота. Вокруг тот же сгущающийся, сосущий глаза сумрак. Тревожно, тускло, мертво. Мокша то бежит, то переходит на крупный шаг. Он сам не знает, чего ищет.

Внезапно он слышит жалобный призыв Игруньи. Это зов животного, которому грозит гибель. Мокша мчится к ней. Игрунья хрипит и бьется, вслепую лягая копытами тьму. На Мокшу она в панике налетает боком и сшибает его с ног.

Мокша вскакивает. Позади, во мраке, откуда он только что прибежал, мелькают две серые тени. Тени, припадая к земле, крадутся к ним. Мокша хватает с земли несколько камней и, усилив бросок фигуркой льва на нерпи, швыряет их один за другим. Попал он или нет, непонятно – но тени подаются назад и припадают к земле.

Мокша пытается отвязать поводья от пня, но Игрунья так затянула их, что он обрубает их ножом. Освобождает от пут крылья и передние ноги. Кобыла больше мешает, чем помогает. Начинает загребать воздух правым крылом еще до того, как он окончательно стянул путы с левого. Мокша кричит на нее. Запрыгивает животом в седло, кое-как стягивает путы. Ужас кобылы передался и ему. Эти две серые тени – сама смерть. Как-то он угадывает это.

Игрунья взлетает. Она торопится, работает крыльями до выгиба перьев и даже в воздухе не успокаивается. Мокша оборачивается – и опять видит серые тени. Они тоже взлетели и, держась редких вершин, следуют за ними все с той же вкрадчивой решимостью. Так же зимой тащатся за лошадьми голодные волки. Бегут вдоль дороги, проваливаясь по брюхо в снег, изредка воют. Вкрадчивые, трусливые, в равной степени готовые и убить, и убежать.

Мокша торопит Игрунью, толкает ее пятками. Отрезанные поводья мешают ему.

– Давай, родная! Поднажми!

Игрунья ускоряется. На боках у нее выступает пена. Седло, подпруги которого так и не были подтянуты, начинает скользить. Серые тени понемногу отдаляются. Игрунья мчится вперед. Кажется, что далекая Первая гряда дает ей силы, в то время как у серых теней силы она отнимает. Здесь, при свете, они становятся беспокойнее, трусливее. Мокша ощущает, что должен и дальше держать тот

же курс к гряде и тогда тени окончательно вернутся в свою ночь. Но, увы, пот заливает и щиплет глаза. Он дергает куртку на груди. Жарко!

Мокша взглядом оценивает расстояние до теней и, внезапно повернув Игрунью, прорывается в болото. Уже в тоннеле он оглядывается. Мокша уверен, что отвязался от серых теней, но неожиданно видит их опять. Охотничья паутина едва не выбрасывает его из седла. Игрунья обрывает ее крылом. Больше Мокша не смотрит назад, а когда прорывается в свой мир, то серых теней за ним больше нет.

Мокша успокаивается. Он испугался, что привел серые тени за собой, указал им дорогу. Он возвращается в ШНыр и старательно выбрасывает все из головы. А через несколько дней кто-то начинает резать в округе скот.

Коровы лежат раздувшиеся, как шары, с выеденным горлом. И мертвые овцы белеют на лугу. А однажды находят и мальчишку-пастуха. На руке у него совсем небольшой укус, но сам он так же страшно распух, как и овцы с коровами. Люди начинают беспокоиться, роиться, как пчелы. Мужчины ходят с дубьем, с самопалами, с пиками, а вскоре распространяется слух, что на боярском дворе за рекой застрелили неведомое чудище. Хотело оно на коней напасть, да дозорный не сплоховал – всадил стрелу в бок до самого оперения.

Любопытный Фаддей Ногата отправляется на боярский двор смотреть чудище. Мокша увязывается с ним. Они дол-

го идут лесом, переходят реку по деревянному мосту. Мокша хмуро думает, что когда-нибудь эта речка пересохнет. Сейчас она бодрая, веселая, с одного берега заросшая, а с другого – глубокая и быстрая. Шестом дна не нашаришь.

Неведомый зверь лежит на дворе. Вокруг него множество зевак. На Фаддея и Мокшу никто не обращает внимания. Они подходят и присоединяются к толпе.

– Гля, дяденька, волк! – подает голос какой-то малец.

– Протри глаза! Разве у волка морда такая? – назидательно гнусит Фаддей. Он так пузат, так коротконог, волос в редкой бороде так толст, что его зовут дяденькой едва ли не с семнадцати лет.

Хоть мертвый зверь и похож на волка, морда у него плоская. Челюсти мощные, а зубы такие, что бедро коровье разгрызут. Внутри зубов бороздки, из которых сочатся желтоватые капли. Яд! Мокша вспоминает мертвых овец на лугу.

Зеваки смотрят больше не на зубы, а на кожистые крылья. Одно из них сломалось при падении. Кто-то раздвигает зевак. Мокша узнает писца Антипу с гостиного двора. Носик у писца длинный, подвижный, на щеке родинка – точно вечная клякса. Антипа садится на корточки, глядит. Заметно, что он поражен не меньше прочих, но не хочет этого показать.

– Это что за диво! Вот в Индии-стране живут люди-псоглавцы. Ездят на огнедышащих петухах, и зовутся те пе-

тухи «стравусы», – говорит он.

С начитанным писцом никто не спорит. Все смотрят на мертвого зверя.

– Зверь сей именуется «грифон»! – продолжает вещать Антипа. – Историк Каллисфен рассказывает, как Александр Македонский, царь премудрый, поймал двух грифонов великих, сильных, как кони. Не кормил их два дня, а после привязал к корзине. Сам же в корзину сел и принял от слуг в руки копье с нанизанным мясом. Полетели грифоны за мясом, и царя в корзине на небо вознесли. И до тех пор поднимался Александр, пока не встретил в небе птицу, возвестившую ему человеческим голосом: «Не зная земного, как можешь ты узнать небесное?»

На обратном пути Фаддей озабоченно бормочет, что не иначе как из болота прорвалась такая тварюга.

– Почему из болота? – спрашивает Мокша.

– А откуда ж еще? Зла уж больно на вид. В мертвом-то мире, чай, тоже звери обитали когда-то. А как мир схлопнулся – тут уж они разлетелись кто куда… Некоторые, может, и на двушку юркнуть успели и затаились, где потемнее.

– На двушке раньше Первой гряды животных нет, – быстро говорит Мокша.

– Это мы думаем, что нет. А там кто знает… Пеги недаром из ныркa выходят, где посветлее, в самый-то мрак никто не суется, – гудит Фаддей.

– И почему двушка приняла зверюг из болота? – не понимает Мокша.

– Да кто ее знает… Не звери виноваты, что болото схлопнулось. Отчего бы двушке не принять хотя бы некоторых? Не за гряду, конечно, а где-то у края, где потемнее.

Мокша жадно слушает, стараясь не выдать своего интереса. Голова Фаддея – настоящий клад. Там, где Митяй ощущает все сердцем, Фаддей головой постигает, логикой додавливает. А вот сердечного ума у него мало. Прохладен он слегка.

– Хорошо еще если одна такая чудища прорвалась, а то начнут шастать, пегов резать… Тут как с лисой! Если хоть одна в курятнике побывала, дорожку проложила – не живать тут курам вовек, – продолжает Фаддей.

Мокша вспоминает вторую серую тень и прикусывает губу. Однако мертвый скот находить перестают. Пропадет порой овца-другая – ну так это и волки зарезать могли. Жизнь продолжается.

Глава вторая
Девушка с двухцветными волосами

Сегодня Ул и Афанасий долго спорили, зачем военным в прошлые века нужна была такая красивая, но непрактичная парадная форма, требующая постоянного многочасового ухода. Афанасий называл это бессмыслицей. Ул же утверждал, что все это нужно для того, чтобы оторванный от дома, ощущающий себя неуютно человек, вычищая пуговицы мундира, кивер, кирасу, имел постоянную заботу и занятие. Это спасало его от уныния. Форма становилась видимой частью его души. А в более широком смысле: если у человека в комнате грязь и пыль – то и душа у него тоже в неуюте, путанице и тоске. Даже не думал, что Ул – это наш чудо былшин-то! – умеет понимать такие вещи.

Из дневника невернувшегося шныра

Сашка лежал щекой на диване и смотрел на окна дома напротив. Дом был погружен во мрак, однако подъезд угадывался по голубому ровному свечению, которое шло от второго этажа и до самой крыши. Этой линией дом четко разделялся надвое.

Четкая прямая линия напоминала Сашке его отца. Отец злился, когда не выпьет. И злился, когда выпьет. Но между

двумя этими раздражениями пролегала такая же светлая полоса, как эти лампы в подъезде с первого этажа по девятый.

Пол в Сашкиной комнате слегка вздрагивал. Это отец ходил по кухне. Хлопал дверцей холодильника, включал телевизор, бестолково перещелкивал каналы. Сашка чувствовал, что отец мается. И заранее знал, чем завершится эта маета. Отец отправится к соседу с пятого этажа и вернется домой часа через два. Будет натыкаться на стены, включать и выключать свет, зайдет к Сашке, тупо постоит, что-то пробормочет и уйдет. Потом ляжет спать. А утром встанет и пойдет на работу.

Сашка жил дома уже неделю. Если точнее – дней десять. Но ему казалось, что целую вечность. Общения между отцом и сыном не получалось. Они пытались разговаривать, но через десять минут все заканчивалось ссорой.

«Что, вышибли тебя? Ну иди работай! Чего дома сидеть?» – говорил отец.

Сашка вскипал оттого, что ничего нельзя объяснить. Ни про ШНыр, ни про другое. Для отца он был просто неудачником, который даже среднего образования не смог получить.

«А ты не пей!» – срывался Сашка.

«Заткнись! Ты не видел еще, как пьют!» – отрезал отец.

И правда – так, чтобы совсем, отец напивался редко. По подворотням не шастал. В вытрезвитель не попадал. На работе на нормальном счету. И вообще у отца все хорошо. Это у его сына все плохо.

«Где твой диплом об окончании школы? Ну, покажи мне его! Давай!»

Постепенно Сашка с отцом научились останавливаться до того, как начинала падать мебель и сжимались кулаки. Когда ссора уже повисала в воздухе, оба замирали и разбегались по комнатам, чтобы сохранить хотя бы видимость мира.

Последние же два дня отец с сыном вообще не разговаривали. Все темы, даже самые невинные, стали взрывоопасны. И так в воздухе висит, что сын считает отца безвольным алкоголиком, а отец сына – бездельником. И что бы они ни обсуждали, все утыкается в это.

Настроение у Сашки было скверное. Видеть никого не хотелось. Он то снимал *нерпь* и прятал ее в ящик стола, то вновь надевал, чувствуя, что не может с ней расстаться – так привыкла рука за годы в ШНыре. Радовало, что *нерпь* продолжала заряжаться. Чтобы в очередной раз убедиться в этом, Сашка намеренно расходовал *русалку*, подходил к зарядке на «Белорусской», спрятанной в постаменте могучего бородатого партизана, за которым стояли двое молодых партизан, парень и девушка, – и *русалка* сразу вспыхивала, да так ярко, что даже рукав не мог скрыть ее сияния.

Сашкина пчела тоже была жива. Изредка она куда-то исчезала, как Сашка подозревал – улетала в шныровский улей, но проходило несколько часов – и он опять видел ее то вяло копошащейся в закрытой банке с вареньем, то в холодильнике на куске холодной курятины, то просто на стене.

Сашку сердило, что его пчела может бывать в ШНыре, а он нет. Порой его так и тянуло поставить над пчелой какой-нибудь опасный эксперимент. Посадить в духовку или коснуться крыла докрасна раскаленным ножом, чтобы проверить, свернется оно или нет. Но почему-то он не делал этого, а лишь досадливо восклицал: «Да отвали ты от меня! Чего прилетела?» – и небрежно смахивал пчелу на диванную подушку, да и то всякий раз смотрел краем глаза, удачно ли она упала.

Не меньше чем по ШНыру Сашка скучал по Рине. Постоянно думал о ней. Открывал ее соцсеть, которую Рина вела под вымышленным именем «Сонечка Немармеладова». Реальных фотографий у Рины там не было, на стене – рассказы и поэмы собственного сочинения, порожденные слишком близким знакомством с осликом Фантомом, и Родион Раскольников с топором, до того похожий в профиль на Родю из ШНыра, что стоило задуматься, не был ли Достоевский шныром.

Среди множества прошлогодних записей, в основном касавшихся похождений маркиза дю Граца, Сашка случайно обнаружил запись и про себя:

«…он очень веселый, но при этом зануда. Когда мы с ним что-то готовили, по рецепту нужно было положить 22 грамма соли и 12 граммов черного перца. Так я чуть в окно не выпрыгнула, пока С. размышлял, как их взвесить.

Порой он донимает меня гиперточностью. Например,

заявляет, что будет ждать у главного входа ВВЦ через 12,5 минуты. А сам приходит только через полчаса. Когда же я напоминаю ему про эти 12,5 минуты, он утверждает, что и не думал опаздывать, а просто считал, что я все равно опоздаю, и оценивал мое опоздание в 25 минут».

– Не в двадцать пять, а в двадцать семь с половиной, если я пришел через полчаса… И вообще она вечно опаздывает! – пробормотал Сашка.

Как же он хотел опять в ШНыр! Просто до боли. Стоило ему закрыть глаза, как он представлял себе ШНыр целиком, до последнего уголка.

Сашка устал лежать на диване и смотреть на полоску подъезда. Закрыл глаза и уснул. А утром пельмени, которые Сашка сварил и собирался полить их кетчупом, внезапно пришли в движение. Из них сложился небольшой пельменный человек. Был он не очень красив, но к красоте не стремился. Опираясь на вилку, служившую ему тростью, человечек отобрал у Сашки кетчуп и написал на столе: «**Жду тебя у подъезда! Умоляю: поспеши! Фиа**».

Написав это, пельменный человечек исчерпал свое земное предназначение и развалился на тесто и фарш. Сашка торопливо оделся и спустился в лифте. У подъезда он никого не нашел, кроме двух соседей. Один был художник, а другой преподавал вокальное искусство в Гнесинке и одновременно был солистом группы, побывав на концерте которой его музыкальное начальство упало бы в обморок.

Художник выгуливал старую спокойную собаку, а музыкант – маленького ребенка. Ребенок бросал на собаку сорванную траву и всякий случайный мусор. Собака брезгливо отряхивалась и смотрела на него с укором. Потом задрала лапу и поставила отметину на автомобильное колесо. Должно быть, мечтала, что вот машина уедет на другой конец города и там далекие, неведомые собаки понюхают и сильно задумаются, что за новый зверь появился на их территории.

– Вот! – говорил художник с возмущением, хватая певца за карман рубашки и притягивая к себе, чтобы он никуда не убежал. – Жена говорит мне: «Мысли! Чего ты все время на кухне торчишь? Мысли!» Ну рисовать – ладно, я худо-бедно умею, а мыслить? Как я должен мыслить? Сидя, лежа или вот так вот? Может, у меня на кухне лучше мыслить получается? – И, отпустив карман, художник живописно подпер лоб рукой, приняв позу роденовского мыслителя.

Солист сочувственно вздохнул.

– Мне проще, – сказал он. – С тех пор как мы выбросили роутер, моя жизнь приобрела размеренность. По мне, как по Канту, можно теперь сверять городские часы! Моя фишка в том, что я искренний и фиксирую состояния, которые приходят, в режиме, так сказать акына! Что вижу – то пою! Мне больно – я пою о том, что больно! Радуюсь – и пою о том, как радуюсь. Ты, главное, отпусти свою фантазию!

– Да? – спросил художник с интересом. – А мне вот серию новогодних открыток нарисовать надо. Двадцать штук.

Снеговички там, все такое. Если я отпущу свою фантазию, то детишкам сидеть без каши.

– А ты работай утром! – горячо продолжал солист. – Утро – лучшее время! Лови состояния незамутненного сознания. Это как горы, свободные от тумана! Я поднимаюсь на вершину горы из тумана суеты и нулевой видимости. Там замечаю направление к следующей горе и опять спускаюсь в туман.

Для Сашки слушать все это было сложновато. Он хотел уже вернуться в подъезд, как вдруг кто-то хлопнул его по плечу. Он обернулся. Перед ним стояла девушка, одна половина головы которой была выкрашена в оранжевый цвет, а другая – в зеленый. Местами в волосы были вплетены полоски фольги. Фольга была нужна, чтобы не материализовались кошмары.

– Привет, Фиа! – поздоровался Сашка.

– Привет! – отозвалась девушка. – Как тебе мой пельменный человек? Надеюсь, ты смог его потом съесть?

– Нет, вилка не поднялась, – сказал Сашка.

– Так я и думала, – огорчилась девушка и взяла его под руку. – Пойдем пройдемся вокруг дома! Поговорить надо!

Дом у Сашки был размером в квартал – бесконечная такая коробка. Когда Сашка был маленьким, он вечно боялся, что не найдет свой подъезд – такой это был домищщщще. Каждое «щ» – отдельный корпус, похожий на кривую расческу. И вот теперь между зубьями этой расчески они и петляли.

Сашка заметил, что Фиа озирается, словно чего-то опасаясь.

Наконец Фиа нашла уголок поукромнее. Это был старый доминошный стол, со всех сторон окруженный сиренью.

– В общем, слушай! – сказала Фиа. – Начну с самого необычного места: с начала! У нас проблемы. С появлением вашей новой закладки *болото* перестало выдавать *псиос*.

– Почему? – спросил Сашка.

– Не знаю, – пожала плечами Фиа. – Инкубаторам их эли кое-что еще выдают, но ведь все это капли!

– А что Гай?

– Озабочен. Тилль, с тех пор как лишился *кабана*, злее собаки. Всех подозревает, чуть что – стреляет: боится, как бы его не убили. Защиты-то нет. Белдо так много врет, что когда говорит правду, ужасно удивляется и вот так вот делает бровками, – Фиа умело передразнила. – Долбушин… ну про этого не знаю, не видела.

– Но ведь у Гая есть запасы псиоса? – спросил Сашка.

– Думаю, да, – признала Фиа. – Но и они не безграничны. И если Гай ими с кем-то и делится, то только с теми, кто оказывает услуги непосредственно ему. В фортах сейчас бесконечные свары.

Фиа подбежала к сирени и выглянула, проверяя, не стоит ли кто за ней. Когда она вернулась, Сашка увидел, что Фиа дрожит.

– В форте Белдо есть боевая ведьма, – зашептала она. – Ее зовут Чернава. Всегда ходит с закрытым лицом. Стоит ей

скинуть капюшон, как любой, кто встретится с ней взглядом, умирает. Недавно Чернава позвала меня и еще нескольких и сообщила, что у нее поручение от Гая и что мы должны немедленно отправляться в Подземье искать какой-то проход. И что если мы его не найдем, то можем считать себя мертвецами. Это не шутка! Чернава, если угрожает, всегда выполняет. Я не видела, как она снимает капюшон, но видела, что стало с теми, кто это видел.

Сашка почувствовал в голосе Фиа искренний ужас.

– А проход куда? – спросил он.

– Гай ищет какое-то первошныровское хранилище! Он примерно представляет, где оно, но не знает, как туда пробраться! В Подземье за последние века все изменилось – завалы, затопления. И вот нужно, чтобы мы нашли проход… – Фиа опять оглянулась.

Ее беспокойство передалось и Сашке. И он тоже оглянулся.

– А что в хранилище? – спросил он.

– Нам никто не говорил. Требовали просто найти туда дорогу. Чернава – с ней были еще берсерки! – привезла нас в переулок у Китай-города. Там старые дома, а между ними невзрачное бетонное строение. Очень маленькое.

– Вентиляция метро? – предположил Сашка.

– Вроде того. На самом деле это древний лаз в Подземье. Его просто замаскировали под вентиляцию. Сама Чернава осталась сверху. Нас отправили вниз втроем: Нину, у кото-

рой дар все искать, еще одну девчонку, тоже с даром, и меня.

Фиа случайно коснулась Сашки. Руки у нее были ледяными.

– А тебя почему? – спросил Сашка.

– Так уж случилось, что я Подземье хорошо знаю… Однажды во сне у меня из волос выплелась фольга. И в ту же ночь по закону подлости я материализовала чудовище, которое стало за мной охотиться. Укрыться от него можно было только в Подземье. И я там чуть ли не две недели провела, а оно все бродило и меня искало. Зато даже Белдо меня потом зауважал. Он, кстати, тоже хорошо знает Подземье, хотя и притворяется, что терпеть его не может.

– Может, не притворяется?

Фиа подышала на руки.

– Он всегда притворяется! – угрюмо сказала она. – Короче, нас отправили в Подземье! Мы спустились, и у Нины вдруг началась паника. Она бегала, кричала, плакала. Мы поначалу подумали, что она придуривается, чтобы не оставаться здесь, но нет… такого не подделаешь. Тогда берсерки спустились и подняли ее наверх, а мы стали искать вдвоем: я и вторая девчонка.

– А у девчонки дар какой?

– Логический. Ее послушаешь – так Шерлок Холмс рядом с ней просто младенец. А еще она все время ест. Ее мозг потребляет очень много калорий. У нее с собой всегда рюкзак, а в нем арахисовое масло, шоколад и тому подобное.

Сашка кивнул. Для него не было тайной, что всякий ведьмарский дар имеет побочные действия.

– И вы нашли хранилище?

– Не знаю.

– Как не знаешь?

– Я натолкнулась на первошныровскую защиту – и дальше никак.

– «Я»? Ты была одна?

– Тогда уже да. Девушка с логическим даром отстала, потому что рюкзак у нее не протискивался, а без своего арахисового масла она совсем дурочка становится. Два плюс два у нее выходит двадцать два. И вот я не знаю, что мне делать. Подниматься наверх боюсь, потому что у Чернавы на меня зуб. Другим она еще простит, но мне никогда.

– И? – ускорил Сашка, видя, что Фиа замялась.

– Я долго петляла, а потом вдруг наткнулась на стену! Прямо посреди коридора. А на стене предупреждающие знаки. Я на всякий случай придумала пару глиняных человечков и послала их перед собой. Едва прикоснувшись к стене, они разлетелись в куски.

– А почему ты думаешь, что защита первошныровская?

– Знаки ваши. И еще там на стене было изображение *нерпи*. Не рисунок, а словно кто-то прикоснулся раскаленной *нерпью* к камням и *нерпь* в них оттиснулась. – И Фиа как-то быстро, с непонятным смущением взглянула на Сашку.

– Думаешь, если коснуться стены *нерпью*, защита снимет-

ся? – спросил Сашка.

– Да. Но коснуться ее должен кто-то из шныров. Потому что просто *нерпь*, без хозяина, берсерки и сами нашли бы.

Это Сашка понимал и сам. Раздобыть *нерпь* для ведьмарей сложности не представляло.

– И ты хочешь, чтобы я помог Гаю и открыл проход к этому хранилищу? – уточнил он.

Фиа стиснула ему запястье:

– Я хочу, чтобы ты помог мне! Я не хочу умирать! Чернава дала мне всего один день!

– А если спрятаться от нее? – предложил Сашка.

Фиа горько усмехнулась:

– Куда? Я одна из них. Да и без псиоса я уже не смогу.

Сашка вздохнул. Он был перед Фиа в долгу. Когда-то она спасла ему жизнь. Но все же помогать Гаю…

– Ну не знаю… Я уже не совсем шныр. *Нерпь* у меня заряжается, пчела жива, но…

Однако Фиа смотрела так умоляюще, что Сашка поневоле уступил. До Китай-города они добрались на такси. В машине измученная Фиа положила голову Сашке на плечо и закрыла глаза. Когда такси поворачивало, волосы Фиа с вплетенной фольгой касались волос Сашки, и тогда он видел мечты Фиа и подслушивал ее мысли.

Водитель не приставал с разговорами. Он ухитрялся одновременно отслеживать заказы по двум смартфонам, а по планшету краем глаза смотрел передачу о жизни гепардов

в Африке. Жизнь эта была невеселая и протекала в трудах. Куча сильных, но не умеющих хорошо бегать хищников – львов, гиен и так далее – таскались за бедным гепардом и отнимали у него все, что он добудет. Гепард же все отдавал без боя. Он не мог позволить себе получить травму в драке, потому что это была самка и у нее были дети. Детей приходилось постоянно защищать от гиен, а главное – от собственного папы, который, не питая к потомству родительских чувств, изредка возникал на горизонте и сидел на камне – худой, опасный и чуть горбатый.

Минут за сорок они добрались до Китай-города.

– Нам, пожалуйста, сюда! – сказала Фиа, показывая на ближайший переулок.

Проезд в переулок перегораживала грузная дама в «Лексусе», одна занявшая две полосы. Когда же таксист посигналил – мол, тетя, подвинься хоть куда-нибудь, места полно, – женщина вытащила из волос цветочек и кокетливо протянула его в окно.

– Не берите! – прошептала Фиа. Голос ее доносился снизу. Она пряталась за спинками сидений. – Умоляю, не надо! И дорогу ей уступите!

В таксисте закипела справедливость:

– Она правила нарушает!

– Пропустите ее! Пожалуйста! Вспомните гепарда! Он тоже отдает добычу без драки, хоть львы и не правы!

Аргумент подействовал. Таксист сердито пожал плечами

и, порычав мотором, ухитрился влезть колесами на высокую бровку. Дама послала ему воздушный поцелуй и, вернув цветочек себе в волосы, торжественно проехала мимо.

– Цветочек заколола? – прошептала Фиа, высовывая нос из-за кресел.

– Вроде да, – сказал Сашка.

– Уф!.. Пронесло! Ты не представляешь, как мы рисковали!

Ворчащий таксист проехал еще метров триста, после чего Фиа попросила его остановиться, расплатилась и вытащила Сашку из машины. Такси уехало.

– Что это была за дама? – спросил Сашка.

– Лея, очень сильная боевая ведьма. Надеюсь, она нас не заметила.

– А если бы таксист взял цветок, что было бы?

– Да ничего не было бы. В смысле от нас! – сердито ответила Фиа. – У Леи день рождения пятнадцатого мая, но еще четырнадцатого днем под ее окнами стоят все долбушинцы, все берсерки Тилля, куча инкубаторов и чуть не сам Белдо с букетом. Лея обожает обижаться! Если в одну минуту первого пятнадцатого числа подарков нет – то, значит, все, конец: меня забыли, я никому не нужна… У нее начинается истерика, и тогда во всех фортах возникает куча вакантных мест!

Фиа проводила взглядом красные стопы такси.

– Странное совпадение! Лея – правая рука Чернавы. И от-

сюда до нашего залаза пара минут пешком.

Дальше они продвигались намного осторожнее. Договорились, что Фиа пойдет первой, а Сашка за ней на приличном расстоянии. В случае опасности Фиа уронит красный пакет, и это будет знаком для Сашки, что подходить ни в коем случае нельзя.

– А если опасность будет совсем большой, я представлю и отправлю к тебе птичку! – добавила Фиа и двинулась вперед.

Сашка, немного выждав, пошел за ней. Обычный московский переулок, залитый сентябрьским солнцем. Ржавчина крыш и закрытые подъезды с домофонами. Сашка на несколько секунд отвлекся, читая надписи на табличках, а когда посмотрел вперед, то Фиа не увидел. Она как сквозь землю провалилась. Пока Сашка заторможенно соображал, где она, захлопали крылья и навстречу Сашке пролетел андский кондор с блеющей овцой в когтях.

Сашка заметался, решая, куда ему спрятаться. Все подъезды закрыты. Сашка хотел уже броситься назад в надежде добежать до угла дома, но тут домофон ближайшего подъезда запищал и вышла пожилая женщина. Сашка проскользнул мимо нее, сгоряча устремился к лестнице, но опомнился и остался у металлической двери. В ней было несколько сквозных отверстий от дрели.

Прильнув глазом к ближайшему отверстию, Сашка стал ждать. Примерно с минуту ничего не происходило, а потом мимо двери прошли двое мужчин, в телосложении которых

безошибочно угадывались берсерки. За ними смешно прыгал взъерошенный человечек и, оглядываясь, кому-то что-то пытался объяснить. Не успел человечек исчезнуть, как перед дверью возникло отдувающееся лицо Ингвара Тилля.

Глава берсерков был раздражен. От человечка он отмахивался как от мухи и ладонью вытирал пот со лба. Подъехала машина, хлопнула дверца. Тилль сел в машину. Потом дверцы хлопали еще несколько раз. Кажется, охрана и взъерошенный человечек вскакивали уже на ходу.

Глава третья
Четыре камня

Когда люди выбирают себе спутника жизни, они придерживаются двух схем: либо такого же, как родители, либо строго противоположно. Одна схема является принятием, а другая – потребностью круто изменить сценарий. Но тут есть опасность обратной крайности, когда, боясь селиться на верхнем этаже, ты селишься в подвале.
Йозеф Эметс

Сашка еще оставался в подъезде, когда у двери появилась Фиа и нетерпеливо замахала рукой:

– Давай скорее! Тебя чуть не запалили! Ты мою птичку видел?

– Хорошая птичка. С овечкой. Традиционная такая московская птичка!

– Если б я воробья послала – ты б на него не среагировал! Я на Тилля нос к носу налетела! Заговариваю ему зубы – а сама кондора выдумываю!

Фиа нырнула за угол. Между двумя домами, у выходившей из-под земли утепленной трубы теплотрассы, Сашка увидел небольшое строение с металлической, криво сваренной дверью. Обычная будка технического назначения, каких по Москве поставлены многие тысячи. Пройдешь в двух мет-

рах – и не заметишь. Дверь оказалась не заперта. Обшарпанные стены, украшенные рекламным календарем, настолько раскисшим от влаги, что сохранились только кусочки, обильно пропитанные клеем. Рядом диван и шкаф.

Люк, довольно широкий, со спускающимися вниз металлическими скобами, размещался у стены. Сейчас он был открыт, а его крышка – жестяная, с каркасом из бруса – стояла прислоненной к стене.

– Тут у вас что, ведьмарская точка? – подозрительно спросил Сашка.

Фиа приподняла брови, демонстрируя ему неудачность слова:

– Заметь, что для слова «шныры» нет обидного определения! Хотя за сотни лет вполне можно было его придумать. Самовлюбленные типы на летающих лошадках, считающие себя лишенными всего лишь на том основании, что изредка кто-нибудь из них впечатывается в асфальт!

– Прости, – сказал Сашка. – Я не думал, что…

– Точнее не скажешь! – перебила Фиа. – «Я не думал». Ты никогда не думаешь. Извинения принимаются!

Сашка, пораженный внезапным взрывом ее досады, смотрел на Фиа с удивлением.

– Ты вообще ничего не замечаешь вокруг, – продолжала кипеть Фиа. – Сам себя огорчу, сам себе поплачу! Живешь в воображаемом мире, окруженный тем, чего не существует. Не видишь вокруг живых людей, которым ты дорог. Тебе се-

бя так жалко, что на остальных тебе наплевать! Придумываешь какие-то там свои фантазии!

– Я придумываю фантазии? Разве не ты? – растерялся Сашка.

– Я придумываю птиц, бабочек, цветы, монстров и другие вещи! – отрезала Фиа. – Их нет, но когда они появляются, они настоящие! А ты придумываешь то, чего нет вообще. Фигню какую-то. Что кто-то тебя любит, кто-то не любит, кто-то хороший, кто-то плохой. И твоя фигня не оживает, потому что она фигня! Навоза недодали, говорила моя бабушка! – Фиа махнула рукой, показывая, что на этом можно и остановиться. – Тут у нас точка, да, – подтвердила она. – Даже телефон есть проводной. Но сейчас он не работает, проверяла.

– Где телефон? – спросил Сашка, радуясь смене темы.

Фиа кивнула на шкаф. Сашка потянул на себя скрипнувшую дверцу. Кроме пыльного дискового телефона на полках лежали тетрадь, тяжелый арбалет и два топора. Один топор был обычный, из тех, что продают в любом строительном. Другой же представлял собой нечто среднее между томагавком и шестопером. Рукоять металлическая, длинная, и на конце выступ, которым можно колоть.

Топорами Сашка не заинтересовался, а вот арбалет взял в руки надолго. Арбалет был явно уже нерабочий и без долгой подгонки и ремонта к стрельбе не годился, однако интересный. Ручка и ложе явно от духового ружья. Плечи от

спортивного лука, усиленные стальными скобами. Взводилась конструкция крюком, о чем говорило и могучее стремя, крепившееся сразу на четырех болтах. На прикладе с одной стороны был выжжен прыгающий тигр с такими клыками, что они поранили бы и самого тигра, вздумай он хотя бы на минутку закрыть пасть.

Сашка держал этот арбалет и почти ощущал руки берсерка, который тридцать лет назад сделал себе такое вот чудо. Договаривался с токарем, что-то подтачивал, подгонял. Пыхтя от избыточной любви, которая еще требовала каких-то действий, даже когда арбалет был уже готов, неумело выжигал тигра. Ввинчивал дополнительную прицельную планку, из-за мешающих креплений размещая ее чуть сбоку, со скосом, как у немецкого пулемета. А потом, возможно, пошел и застрелил из арбалета шныра, вооруженного таким же, наполовину самодельным, с тетивой из тормозного троса шнеппером. А может, и не застрелил. Никто не знает, как сложилась судьба этого берсерка. Погиб ли он, ожирел ли, увлекшись строительством коттеджей на продажу и сохранив от спортивного прошлого лишь пару медалей и крепкие руки, или перешел на дорогие привозные арбалеты, прицельно пускающие болт втрое дальше этого дедушки.

Фиа стояла у двери и с беспокойством глядела в щель. Опять послышался шум мотора. Сашка тоже выглянул и увидел уже знакомый «Лексус». Рядом с пышной женщиной сидела маленькая, казавшаяся совсем нестрашной фигурка с

занавешенным лицом.

– Опять Лея! А с ней Чернава! Если нас увидят вместе, то убьют! – прошептала Фиа.

– Давай тогда спускаться!

– Вдвоем не успеем. Я знаю Лею и Чернаву. Если они хоть шорох услышат, то зачистят весь колодец, даже мухи не выживут. Я их дождусь. Скажу, что пришла сюда, чтобы продолжить поиски, а потом спущусь к тебе. Жди меня внизу, хорошо?

Фиа сунула Сашке фонарь и подтолкнула его к люку. Сашка стал торопливо спускаться. Первые скобы он проверял тщательно, но, видя, что они держат, постепенно утратил бдительность. Очередная скоба, на которую он наступил, издала звук сломавшейся деревянной палочки. Сашка вцепился в ту скобу, за которую держался рукой, но вырвал ее своим весом. А в следующий миг, выпустив из рук фонарь, но зачем-то продолжая держать вырванную, уже ненужную ему скобу, он уже летел вниз.

Хрум!

Внезапно его ноги во что-то врезались, послышался чавкающий звук, и Сашка продолжил падение, только уже не прямо вниз, а куда-то вниз и наискось. Под Сашкой что-то громыхало, подскакивало. Руки ощущали мокрое, раскисшее от влаги дерево. После дюжины толчков Сашка осознал, что катится по лестнице с крутыми ступенями. Причем катится, вцепившись в деревянный щит. Потом щит во что-то

врезался, застрял, Сашку сбросило с него, и, ободравшись о ступени, он наконец сумел подняться.

Он стоял в кромешной темноте, еще слишком возбужденный падением, чтобы испытывать страх. Фонаря у него больше не было. Сашка пошарил по ступеням, но не нашел его. Сообразив, что фонарь, даже если найдется, наверняка окажется разбитым, Сашка подсветил себе *нерпью*, используя *русалку*. Увидел высокие ступени. Потолок был полукруглый, низкий, сочащийся водой.

Сашка стал подниматься, пытаясь определить место, где прежде был щит и где, вероятнее всего, будет ждать его Фиа. Воздух был так влажен, что ему казалось, что и рыба смогла бы дышать здесь жабрами. Магию *русалки* приходилось экономить, и он уменьшил луч до минимально возможного. Ему чудилось, будто темнота смыкается вокруг, пожирая последние крупицы света.

На уровне щита, который Сашка, врезавшись в него, провалил вниз, начинался тоннель. Сашка терпеливо ждал. Фиа почему-то не спускалась. Сашку начинала преследовать паническая мысль, что он где-то ошибся и свернул не туда. Теперь ему чудилось, что, когда он поднимался, от лестницы несколько раз отходили боковые тоннели.

Решив, что сможет еще вернуться, Сашка пошел по ближайшему тоннелю. Вскоре *русалка* начала меркнуть. Ее голубоватый свет рассеивался, высасываемый темнотой. Сашка пытался запоминать дорогу, но ходов вокруг было не про-

сто много – он пробирался словно по пчелиным сотам. И тут *русалка* погасла вообще. Причем как-то резко и вдруг, точно где-то в магическом мире просто дернули рубильник.

Сашка стоял и слушал, как колотится его сердце и капает вода. Сердце и капли будто сговорились, в какой последовательности сердцу стучать, а каплям срываться. Сашка закрыл глаза, открыл их и опять закрыл. Разницы не было никакой. Он даже на всякий случай потрогал пальцами, действительно ли закрыты его веки, потому что не верилось, что темнота может быть настолько полной.

Убеждая себя, что поводов для паники пока нет, Сашка попытался воспользоваться *кентавром*, чтобы связаться с кем-нибудь из ШНыра. Услышал чей-то смех, ржание пегов, лай Октавия. Это были случайные, хаотичные, но такие родные звуки ШНыра, что Сашка едва не задохнулся от тоски.

– Эй! Я здесь! Слышит меня кто-нибудь?

Никто не отозвался. Лишь громко стучали подковы: из пегасни выводили тяжелого Аскольда.

– Помогите мне! Меня кто-нибудь слышит?! – закричал Сашка, почти втискиваясь в *кентавра* носом.

Несколько мгновений ожидания – и голос недоубитого Гоши, сопровождаемый звяканьем обрушиваемых в мойку тарелок, недовольно произнес:

– Если у меня на канале не будет хотя бы дух подписчиков, я удалюсь! Мне больно прозябать в безвестности!

– Гоша! – крикнул Сашка. – Гоша! Это ты?

Гоша швырнул в мойку очередную партию тарелок. С посудой он не церемонился.

– Врать не надо! Каких двух? У тебя, не считая меня, подписчиков десять! – отозвался другой голос, и Сашка узнал кухонную Надю.

– Ага. «Пицца_в_каждый_дом», «Ваша_стоматология» и «Ремонт_квартир». Себе возьми таких подписчиков! – плаксиво разрешил Гоша.

Несколько раз окликнув Гошу и Надю, Сашка убедился, что они его не слышат. Решив, что все дело в заглушающих звуках кухни, он опять перевел *кентавра* в режим поиска, и ржавый голос Кузепыча, показавшийся самым замечательным и добрым голосом на земле, произнес отчетливо и близко:

– Бабка ежика! Это ж не мои ж пассатижи ж!

– Кузепыч, это я, Сашка! Помогите мне! Кузепыч!

Тишина. Позвякивают инструменты. Сашка определил, что Кузепыч возится со своей любимой одноглазой машиной. Он вечно ремонтировал ее, подлечивал – но без особого толка. Машина вела себя как старушка, которой снизили подскочившее давление. Ее можно было подлатать, но нельзя было уже починить. «Ну как, бабушка, тебе лучше?» – «Да не знаю я, доча!» – «Как же ты можешь не знать?» – «Да вот не знаю!»

– Кузепыыч! Кузепыч! Пожалуйста! – сорвался Сашка.

Инструменты позвякивают, Кузепыч сопит – и больше ни-

чего. Окончательно убедившись, что его не слышат, Сашка заставил себя отключить *кентавра*, пока тот не разрядился окончательно. Если *кентавр* сядет, он не сумеет воспользоваться им после, если что-то изменится и его смогут услышать. Отключать *кентавра* Сашке было очень страшно. Хотелось слушать, слушать и слушать. Пусть даже пыхтенье Кузепыча, или цоканье копыт, или звуки столовой – все что угодно. На секунду Сашке показалось, что он уже умер и из загробного мира жадно слушает звуки земли, которым раньше не придавал никакого значения и которые теперь заветны, прекрасны и недосягаемы – будь то даже гудки машин, хлопанье крышки мусоропровода или струнный гул натянутых тросов лифта.

Голова закружилась. Ноги стали ватными. Сашка был вынужден присесть на корточки и упереться ладонями в пол. Он даже крикнул один раз на пробу, но голос был слабым, жалким и сразу потерялся в земной толще. Хотелось, чтобы кто-то там наверху увидел его и этот ужас прекратился бы так, как это бывает во сне, когда, столкнувшись с кошмаром, кричишь, протестуешь – и вдруг твой страх рассеивается, трескается как яичная скорлупа, и тебя выпускают из сна.

Не в силах дольше выносить сосущего подземного мрака, Сашка решил воспользоваться *сирином* и телепортироваться. Он потянулся к *нерпи*, но что-то больно кольнуло его в нежную кожу на запястье. Сашка вскрикнул и нащупал в темноте вертящуюся у него на пульсе золотую пчелу. Пчела

была очень сердитой и к *сирину* его не подпускала.

«Предупреждает! – сообразил Сашка. – Нельзя. Застряну в толще».

И тут его вдруг ударила по носу сорвавшаяся со свода тяжелая капля. Он машинально попытался смахнуть ее, и капля вдруг сама собой оказалась у него в ладони. Странная подвижная капля вертелась на месте и распространяла ровное зеленоватое свечение.

Сашка увидел, что это крохотный светлячок. Он почему-то ходил на задних лапках, а в передних держал зеленый фонарик. И еще почему-то был в шапочке! В первую секунду Сашка даже решил, что тронулся умом. Но все же этот светлячок с фонариком и горящий от укуса золотой пчелы пульс были единственным реальным здесь, в кромешной темноте.

– Это Фиа тебя послала? Ну показывай, куда идти! – велел Сашка светлячку, открывая ладонь.

Светлячок заработал крыльями и полетел по коридору, разливая свет. Чудо этого света состояло в том, что секунду или две он сохранялся даже там, где самого светлячка уже не было. Словно по синей мокрой акварели проводили кистью с белилами. Сашка старался не отстать. Они долго петляли, пока тоннель не завершился завалом. Светлячок опустился на пол и полез под ветки, подсвечивая одновременно щитками спинки и фонариком.

– Чтоб я еще раз связался с этой Фиа! – пробормотал Сашка и, опустившись на живот, начал торопливо протискивать-

ся. Удивительно, но он сумел это сделать, даже не ободрав сильно спину.

Оказавшись с другой стороны завала, светлячок отряхнулся, поправил шапочку, а потом вдруг оттолкнулся и полетел. Сашка побежал за ним. Светлячок летел впереди. Изредка его брюшко касалось воды, почти повсюду тонкой пленкой покрывавшей пол, и тогда воду заливал свет, а с крыльев и брюшка, разбрызгиваясь, летели крошечные подсвеченные фонариком капли.

Когда Сашка ощущал, что устает, то останавливался. Светлячок улетал вперед, становясь крошечной точкой, почти искрой. Искра зависала, возвращалась, и вот уже светлячок сердито висел перед ним в воздухе и тряс своим фонариком.

Внезапно Сашка увидел стену, сложенную из крупных камней и преграждающую ему дорогу. Сашка шагнул к стене, но ему бросилась в глаза дважды перечеркнутая стрелка. На языке шныров это означало «Стой! Дальше идти нельзя!». Рядом прочитывался еще один знак, полустертый известковыми подтеками. «Осторожно! Впереди опасность!» – вспомнил Сашка его значение – и тут же увидел обломки глиняных человечков, которых посылала Фиа.

Он стал озираться, отыскивая оттиснутую в стене *нерпь*. Ага, вот она! Сколько же здесь налипло глины! Прежде чем прикладывать свою *нерпь*, Сашка порылся в карманах и отыскал несколько скомканных салфеток. Привычкой тас-

кать с собой разный мусор, пока не найдется куда его выбросить, Сашка был обязан Рине. До знакомства с Риной он засовывал мусор во все возможные щели, даже в поручни автобусов, а однажды попытался пропихнуть пальцем бумажку от мороженого в пустотелый столбик ограды, в котором, как оказалось, жили осы, – и поплатился за это.

Сашка одну за другой протирал фигурки, помогая себе длинной щепкой. Глина была влажной и выскребалась легко. Сашка легко узнал *сирина, кентавра, русалку*… Но что это? Щепка выскочила у него из пальцев. Выждав, пока пальцы перестанут дрожать, Сашка торопливо поднял щепку, заработал ею. Последние куски глины убрал салфеткой. Светлячок взлетел и завис напротив углубления.

Череп со стрелой в зубах насмешливо скалился на Сашку с каменной стены.

Сашка втянул носом воздух. Получается, никакая другая *нерпь* здесь не подошла бы? Знала ли об этом Фиа? Сашка заспешил. Поднял руку с *нерпью* и коснулся стены, заставляя фигурки и их оттиски соприкоснуться. Первым вспыхнул *кентавр*, за ним *русалка, сирин* и *лев*. Подошли они не идеально: на каждой *нерпи* фигурки эти расположены где-то чуть выше, где-то чуть ниже. Но, видимо, идеальное соприкосновение было и необязательным. Первошныровская защита ждала чего-то другого, более значимого для нее.

И дождалась. На Сашкиной *нерпи* вспыхнул странствующий уникум – *череп*. Мертвенное сияние *черепа* устремилось

в углубление. Своды тоннеля дрогнули. Из верхних сводов посыпался песок. Сашка попытался оторвать руку, но *нерпь* словно приросла к стене. Стена тряслась, на глазах покрываясь трещинами. Вначале осыпался один предупреждающий знак, затем другой. Лишь потом Сашка сумел оторвать от нее *нерпь*.

Череп вспыхнул, оскалившись крупными зубами, и погас.

В этот момент Сашку кто-то окликнул. Он увидел Фиа. Перед лицом Фиа метались две светящиеся бабочки. Еще три бабочки, разливая сияние, носились над ее головой. Локти и колени у Фиа были в глине, но в целом она испачкалась куда меньше Сашки.

Сашка испытал искреннюю радость, увидев здесь Фиа. Радость эта отразилась и на его лице, потому что Фиа благодарно ткнулась лбом ему в плечо и погладила его по руке:

– Прости, что я так долго! Едва смогла оторваться! Чернава, Лиа и еще одна ведьма спустились в Подземье. С ними Дионисий Тигранович! И берсерки. Целая толпа. Тебе срочно надо уходить!

Сашка оглянулся на покрытую трещинами стену.

– Да, но мы даже не посмотрели, что там! – начал он.

– Нет времени! Через несколько минут они будут здесь! – Фиа схватила Сашку за рукав и потащила за собой, выбирая какие-то новые ходы. Спешила. Часто останавливалась и прислушивалась. Сашка только и видел что узкую спину Фиа и две выбеленные магическим светом стены справа и слева.

Бабочки Фиа погасли, и ей пришлось выдумывать новых. На сей раз она не стала представлять крупных бабочек, а наполнила коридор целым потоком мелких – светящихся, разноцветных.

– Красиво! – сказал Сашка.

Фиа хмыкнула:

– Нравится? Ну я рада! Смотри, лестница!

– Та же самая?

– Разве не видишь, что нет? Я не ошиблась: отсюда был другой проход.

Ступеней через двести они уперлись в металлическую дверь, которую после непродолжительной возни удалось одолеть. Дверь эта была чем-то вроде перехода из мира первошныровского в мир тоннелей метрополитена. Временами где-то близко слышался гул. Он заполнял коридор, начинавший мелко дрожать, потом ослабевал, и все звуки исчезали. Фиа показала Сашке, куда идти:

– Здесь до «Новокузнецкой» рукой подать. Только не бодай по дороге поезда. Они тяжелее.

– Почему до «Новокузнецкой»? Разве не до «Китай-города»?

– Здрасьте! А ты не заметил, что мы под рекой прошли? На «Китай-город» сегодня соваться опасно!

– Пойдем со мной! – предложил Сашка.

Фиа грустно улыбнулась. Несколько бабочек из ее свиты погасли.

– Если б я могла! Спасибо тебе огромное! И… прости меня за все! – Фиа легко коснулась Сашкиного затылка и унеслась. Вокруг нее метались уцелевшие светящиеся бабочки.

Сашка был такой грязный, что не представлял, как поднимется в город. Он пошел по тоннелю и по мере того, как возбуждение проходило, все больше убеждался, что сделал глупость, сняв первошныровскую защиту. Слишком уж странно, что у стены оказался тот единственный, чья *нерпь* могла подойти.

Глава четвертая
Старичок, который бродит по ночам

Часто мне кажется, что я окружен людьми безумными. Одни смертельно устали, другие с кем-то в ссоре, у кого-то сложные привычки и правила, кто-то настолько себя жалеет, что даже ведро мусорное не вынесет, кто-то жадничает, кто-то шага не сделает, не увидев своей выгоды. Кто-то будет рыдать, кто-то – врать, кто-то – придумывать отговорки.

Даже чтобы осуществить простейшую комбинацию – передать кому-то тетрадь с конспектами, – часто приходится задействовать цепочку в три-четыре звена! И это человек – король Вселенной, мнящий себя вершиной эволюции!

Из дневниковой записи Долбушина, когда ему было двадцать лет

Звонок в дверь, прерывистый, дрожащий, торопливый, поднял всех на ноги посреди ночи. Жавший на кнопку одновременно и барабанил, причем так, что мощная, выполненная по спецзаказу дверь содрогалась. Долбушин и его телохранитель Андрей выскочили из комнат. Долбушин был с зонтом. Андрей – с арбалетом и короткой полукруглой секирой.

– Вы кого-то ждете, Альберт Федорович? – спросил Андрей, пытаясь углядеть что-нибудь на мониторе наблюдения.

Долбушин покачал головой:

– Нет. Но я догадываюсь, кто это. Дионисий Тигранович.

– Почему вы думаете, что это он? – удивился Андрей.

– Посмотри на дверь. Сталь вся во вмятинах. Там или толпа берсерков с тараном, или один Белдо. Вот увидишь: когда мы откроем, он будет жаловаться, что его маленькие слабенькие ручки устали.

– Значит, открываем? – уточнил Андрей.

– Открывай, конечно, пока от двери хоть что-то осталось!

Андрей отодвинул засов, на всякий случай держа наготове арбалет. На пороге действительно стоял Белдо, бледный и шатающийся. Его одежда была перемазана жидкой грязью и пахла так, словно ею вытирали слизь дохлых эльбов.

– Альберт, не прогоняйте меня! Я совершенно без сил! – едва выговорил старичок, проваливаясь в квартиру как в трясину.

– Это мы уже поняли, когда вы стали стучать! – сказал Долбушин. – Как вас пропустила охрана внизу?

– Охрана… – повторил Белдо, пытаясь понять значение этого слова. – Ах да… там были какие-то люди… Они что-то хотели, один попытался меня схватить.

– Они хотя бы живы? – перебил Долбушин.

Личико Белдо стало озабоченным. Глава форта понял, что старичок уже не помнит, что сделал с охраной дома.

– Ах, Альберт, умоляю! Я так устал, так устал!

Дионисий Тигранович, шатаясь, сделал несколько шагов и, рухнув на полку для обуви, уронил голову на руки. Длинный плащ, свисая с вешалки, накрывал его сверху. Маленький старичок казался под ним спрятавшимся ребенком.

– Что стряслось? – спросил Долбушин.

Дионисий Тигранович всхлипнул:

– Я только что из Подземья! И вот! Вот, смотрите! – Белдо повернул руки ладонями кверху. Обе ладони у него были в крови.

– Вы ранены?!

Белдо всхлипнул:

– Это не моя кровь… Чернава умерла у меня на руках! И Лиа тоже погибла, а форт Тилля потерял девятерых!.. Уцелели только я и еще одна девочка, Фиа… – Белдо опять стал раскачиваться, хватаясь окровавленными ладонями за свисающий с вешалки плащ. – Это все Гай! Проклятый эгоист! Он меня туда погнал! Я никогда ему этого не прощу! Я хоть добрый, но злопамятный… Вы ведь знаете, что я злопамятный, Альберт?

– Боюсь отвечать положительно. Вдруг вы это запомните? – насмешливо отозвался Долбушин. – Андрей, отведи Дионисия Тиграновича в душ! Найди, во что ему переодеться.

Оставляя на полу грязные следы, старичок послушно засеменил в ванную. Четверть часа спустя он уже сидел в го-

стиной, облаченный в спортивный костюм. Глава финансового форта был поражен, как скоро Белдо вернул себе бодрое настроение. Не он ли только что дрожал и трясся, прячась под плащом, как маленький мальчик?!

– Ах, Альберт! – воскликнул глава магического форта, окуная печенье в чай и потом всасывая его в себя как вурдалак. – Вы мой единственный и настоящий друг! Заметьте, именно к вам я пришел среди ночи! Не к Младе и Владе, не к Гаю, а к вам!

Долбушин взглянул ему на лоб. Хотел поймать его на лжи, но Белдо не врал. Всасывающий в себя печенье, всхлипывающий, смешной, облаченный в чужую, слишком большую для него одежду, старичок был искренен. Он *действительно* пришел к Долбушину, *действительно* был напуган и *действительно* нуждался в утешении.

Общаясь с Белдо, Долбушин открыл для себя, что люди, даже самые неприятные и скверные, все равно сложны и неоднозначны. Любого человека можно охарактеризовать через цепочку противоречивых прилагательных. Например: мягкий, малодушный, щедрый, нерешительный, милый, остроумный сплетник. Грубый, раздражительный, добрый, сентиментальный, нетерпеливый, болтливый, смешно жадничающий герой. И так до бесконечности. Было бы желание находить достаточное количество прилагательных.

Если Тилль был человеком с ампутированным светом в душе, то у Белдо этот свет исказился и принял уродли-

во-причудливые формы, сменявшиеся порой полным мраком. Наедине с собой в пустой комнате Белдо мог сидеть с пасмурным, кислым, больным лицом. Звонил телефон – мгновенно преображался: становился суетливым, радостным, размахивал ручками. Кажется, весь мир готов затопить сиропом. Собеседнику казалось, что впервые в жизни он встретил верного друга и единомышленника. И откуда ему было знать, что, вешая трубку, Дионисий Тигранович мгновенно остывал лицом и злобно говорил: «Весь мозг проел! Чтоб ты во сне умер!»

– Ах, Альберт! – сказал Белдо плаксиво. – Я знаю, что вы не оцените моей искренности, однако скажу вам, что старость, особенно после бурно прожитой жизни, вещь страшная. Все удовольствия куда-то улетучиваются, даже срочные дела уходят, и человек оказывается в обществе самого себя – то есть в самом дурном обществе из всех возможных.

Долбушин никогда не оспаривал того факта, что Белдо порой бывает искренним, однако взамен требует искренности и от собеседника, и эту чужую искренность преспокойно продает потом всем желающим. Поэтому глава финансового форта лишь медленно кивнул, разглядывая брючины спортивного костюма, которые страдающий старичок безжалостно обкорнал ножницами.

– Испортили-таки? Кстати, это был подарок Гамова! Какая-то уникальная ткань. Она и дышит, и влагу выпускает, и чуть ли не ножками спортсмена шевелит. С тех пор как Га-

мов сообразил, что Рина моя дочь, он мне постоянно делает подарки. С чего бы это?

Слегка обиженный тем, что Долбушин не поддержал его игры в секретики, Дионисий Тигранович с грустью потрогал неровно отрезанные брючины:

– Простите, Альберт! Я не подозревал, что костюм вам так дорог! А Женечка мудр не по годам. Девушки переменчивы – отцы постоянны… А что Риночка? Как она?

Дионисий Тигранович был последним, с кем Долбушин стал бы обсуждать Рину. Он слишком хорошо знал старичка. Вначале тот обсудит Рину с ним, поцокает язычком, поохает, потом не менее сочувственно обсудит все с Гаем, потом, как пчелка, перелетающая с цветочка на цветочек, отправится к Тиллю, который тоже в конце концов родитель двух прекрасных сыновей, до сих пор еще не женатых.

– Так кто убил ваших магов и берсерков? Или они между собой чего-то не поделили? – спросил Долбушин.

Дионисий Тигранович перестал высасывать печенье и зарылся носом и губами в свою пустую чашку, скрывшую его лицо до глаз. Долбушин понял, что он соображает, о чем сказать и о чем умолчать.

– Нет, Альберт! Никаких разборок фортов. Вы ведь слышали, что под Китай-городом находится замурованное древнее хранилище эльбов?

– Это которое искали?

– Оно самое! Я чувствовал, что с ним что-то нечисто. Пер-

вошныры ничего так просто не замуровывали! И защиту так просто не ставили. Мы бы только потеряли людей.

– Вы их и так потеряли, – напомнил Долбушин. – Зачем было лезть в замурованное хранилище?

Белдо жалобно заморгал:

– Ну как же… Гаю пришло в голову, что за прошедшие столетия личинки вполне могли дозреть и теперь пожелают поделиться с нами псиосом. Конечно, существовали определенные риски, поэтому я взял с собой берсерков и лучших боевых магов.

Долбушин взглянул на Белдо с удивлением. Старичок открылся перед ним с неожиданной стороны.

– И вы согласились? Просто так отправились в Подземье требовать у личинок эльбов арендную плату за тот каменный гроб, в который их когда-то замуровали?

Старичок неуютно пошевелился.

– Как бы я отказал Гаю?.. – залепетал он. – И потом… ведь эльбы не люди. Друзья, враги, месть – это все наши категории. Эльбов нельзя просчитать до конца. Их цивилизация слишком древняя.

– И что же было потом?

– Ужасно, Альберт, ужасно! Защита отмыкалась только шныровской *нерпью,* причем нужен был *череп со стрелой*! Чернава догадалась использовать Фиа! Она напугала ее, и, как мы и надеялись, бедная девочка помчалась за помощью к Сашке! Почувствовав, что Сашка снял защиту, я поспешил

вниз с Чернавой, Лиа и берсерками! Берсеркам пришлось немало попыхтеть, чтобы сломать стену. Только у двоих топоры подходили для такой работы, а лом был всего один.

Долбушин представил, как берсерки, мешая друг другу и теснясь, пускают в ход топоры.

– Когда стена рухнула, вперед пошли Чернава, Лиа и берсерки. А мы с Фиа замыкали!

– Разве место полководца не впереди его войска? – поинтересовался Долбушин.

Белдо даже не попытался смутиться:

– Вы бы тоже испугались, Альберт! Зловещее место! Тоннель вывел нас в сводчатый зал. Там был огромный камень. Всей нашей совместной магии хватило лишь на то, чтобы чуть сдвинуть его с места и открыть узкую щель, в которую едва можно было протиснуться. Первой внутрь нырнула Чернава. За ней Лиа, а с ними я отправил берсерков! А потом мы с Фиа услышали ужасные крики! Вы не можете себе представить, что это были за крики! Что-то догоняло их и убивало одного за другим! Наружу вырвалась одна Чернава! Но видели бы вы ее раны, Альберт! Ее словно выжгли и высосали одновременно!

Старичок закрыл лицо руками. Долбушину это не понравилось, потому что, закрывая лицо, Белдо одновременно прятал от него и глаза.

– Я хочу заглянуть к вам в сознание! Убедиться, что все это правда. Снимите защиту! – попросил Долбушин.

– Вы с ума сошли?! Никогда! – взволновался Белдо.

– Не волнуйтесь! Всех ваших секретов мне не узнать. Объем хранимой в вашем мозгу информации слишком велик. Представьте, что при мне вы на пять секунд приоткрыли чемодан с личными письмами и достали оттуда одно. Ясно, что я не успел бы прочитать другие.

Дионисий Тигранович облизнул губы, что-то про себя просчитывая:

– Так и быть. Заглядывайте! Я прекрасно знаю, что человеческий мозг похож на библиотеку, по которой ночью с тусклой свечкой в руке шаркает тапками усталый библиотекарь.

Белдо убрал руки, повернул к Долбушину маленькое личико и распахнул глаза, ставшие вдруг непривычно огромными. С ощущением человека, шагающего с мола в холодное, полное медуз море, Долбушин нырнул в его зрачки. Помчался по узким переходам сознания с множеством запертых от него дверей. Изредка ему попадались трехколесные велосипеды, тазы с бельем и дважды или трижды – спящая в кресле старая женщина: видимо, совсем уже что-то из детства, что старичок и спрятать поленился. Наконец впереди забрезжил свет. Перешагивая через пыльные ящики и заскотченные коробки, в которых, судя по всему, хранилось школьное образование Белдо, Долбушин прорвался к освещенной двери и заглянул.

И сразу же перестал быть собой, из зрителя превратив-

шись в участника событий. Увидел узкий, оплывающий глиной ход. Толстые раскисшие бревна, поддерживающие ненадежные своды. А вот и сам Белдо – жмется снаружи к огромному камню. Долбушин не видит его – он сам теперь и есть Белдо, слился с ним воедино. Глава форта чувствует влагу стены, о которую опирается ладонями. Теперь это и его ладони.

Долбушин жадно слушает с ним вместе. Чернава, Лиа и посланные вперед берсерки негромко переговариваются. Внезапно раздается крик – еще полувопросительный. Тому, кто кричит, неловко. Он еще не уверен, есть ли повод, не обмануло ли зрение, не засмеют ли его потом, что он запаниковал.

Новые крики – теперь уже полные паники. Лиа и Чернава выпускают атакующие молнии. Молнии врезаются во что-то мягкое, слышны шипение и вонь. Дальше все сливается: шарканье бегущих ног, шум потасовки, испуганный вопль. Уцелевшие пытаются протиснуться в узкую щель, в панике убивая друг друга. Все перекрывает новый причмокивающий звук. Невероятно противный, точно насос работает в засоренной раковине. Этот хлюпающий звук заполняет собой весь зал. Крик раненого обрывается негромким хлопком и хлюпом. Фиа, стоящая рядом с Белдо, поворачивается и в панике мчится прочь. Белдо хочет последовать за ней, но из пролома ему на руки вываливается Чернава. Что-то раскаленное пронизало ее плоть насквозь, опалило жаром, пе-

ремазало слизью – но она еще жива.

– Что это было, Чернава? – кричит Белдо.

– Не знаю… Очень больно. Не бросайте меня! – шепчет Чернава.

Белдо бережно сажает ее, прислоняет спиной к камню.

– Сейчас, Чернавочка… сейчас… я быстренько! – бормочет он, а сам все пятится, пятится – и вот уже бежит, спотыкаясь, по ступенькам. Долбушин, слившийся с ним воедино, убегает вместе с тем, чьими глазами глядит. Вслед же им несется шепот – последний шепот ведьмы, не заглушенный даже многими метрами земли:

– Будь ты проклят, Дионисий! Я попала к тебе в форт глупой девчонкой, сбежавшей из ШНыра! Знай: то, что убило нас, придет и за тобой!

Старичок беспокойно завозился, и Долбушина вышвырнуло из чужого сознания.

– Вы бросили ее. Она была еще жива! – сказал Долбушин, массируя налившиеся болью виски.

Белдо не оправдывался:

– Вы же сами все видели! Я не мог рисковать. А если бы то, что их прикончило, вырвалось наружу? У Чернавы не было руки, в теле оплавленная дыра – а она жила и даже говорила! Ах, Альберт, прошу вас, не бросайте меня! Я должен ехать к Гаю! Поедем вместе! Все равно он вас вызовет!

Вскоре главы фортов уже сидели в машине, и Андрей гнал автомобиль по пустым улицам. Долбушин сидел с ним ря-

дом. Белдо на заднем сиденье требовал по телефону у Кеши Тилля, чтобы тот немедленно разбудил отца. Кеша вел себя как истинный Тилль, то есть пытался показаться тупее и непонятливее, чем был на самом деле, что ему с успехом удавалось.

Долбушин смотрел на мелькавшие фонари и думал, что в воспоминаниях, которые Белдо ему великодушно предоставил, был тщательно выстрижен один кусочек. Небольшой, старательно затертый фрагмент относился к тому отрезку времени, когда Дионисий Тигранович, подхватив рухнувшую на него Чернаву, мельком заглянул в пролом стены.

Глава пятая
Место, где не растут сосны

Каждый человек застревает на чем-то одном, пустяковом для остальных, но не пустяковом для него самого. Другие же смотрят на него с недоумением. Им кажется, что он издевается, когда говорит, что не может встать в восемь утра, или перестать орать, или услышать с первого раза простую просьбу, или не ныть, или подобрать с пола и донести до корзины чужой фантик, или понять, что он не один в мире. Иногда целая жизнь уходит на то, чтобы усвоить какую-то простую истину, которая другому дана изначально. Зато этот другой застревает на чем-то своем, через что легко перешагивает тот первый, что орет и не встает по утрам.
Из дневника невернувшегося шныра

Мокша и Митяй стоят под дощатым навесом. Дождь идет тяжело, ровно, монотонно. Он не хлещет, не накрапывает, не моросит – он работает. Близкую реку едва видно: она отрезана сплошной стеной. Воды ее кипят, и над ними поднимается светлый туман.

– Прям в реку бы нырнуть и от дождя спастись! – говорит Мокша и смеется. Ему действительно кажется, что в воде сейчас суше, чем под навесом.

– Эх! Мука подмокла! – отзывается Митяй, грустно глядя на тяжелый мешок, стоящий у его ног.

– Матрена что-нибудь напечет! – легкомысленно обещает Мокша.

– Разом из трех пудов? Это всему ШНыру на месяц было!

– Мы не виноваты, что дождь ливанул! А Матрена – она что-нибудь придумает! – повторяет Мокша. Он легко перегружает свою работу на других, а фраза «мы не виноваты» снимает ответственность.

Снаружи навеса бродят два пега: Игрунья и Ширяй. Игрунья ходит понуро, неуютно прядет ушами, мокнет и фыркает, когда дождь затекает ей в ноздри. Ширяй же раскинул крылья и с явным удовольствием подставляет их дождю. С рассуждением подставляет, наклонно, чтобы дождь обмывал перья. Его крылья так огромны, что Митяй даже выскакивал пару раз из-под навеса, проверяя, пробивает крылья дождем насквозь или нет.

– Что твой Горшеня? Нашел ему тулуп? – спрашивает Мокша.

– Да нет, – с сожалением отвечает Митяй. – Хотел ему свой старый отдать, да пузо у него неохватное. А без тулупа смешной он, важности ему не хватает. Палки, горшок да котел.

Митяй доделал Горшеню совсем недавно. Долго с ним провозился. Вначале с котлом много мороки было. То меди мало оказалось, то литье с раковинами, то печь у Митяя от

жара расселась. Пришлось Мещерю Губастого на помощь призывать и много чего от него выслушивать. Мещеря мастер умелый, но такой кропотливый, что намаешься с ним. И потом: котлы отливать – дело не кузнечное. Тут рука особая нужна.

И Митяй, и Мещеря опыта поначалу не имели. Начинали по-простому, как монголы свои походные котлы отливают. Потом лишь сообразили, что так хорошего литья не получишь. Поначалу нужен глиняный болван, а на него уже нанести восковую рубашку. И чтобы все это вращалось – иначе никак.

С горшком-головой было попроще. Но и здесь пришлось повозиться. Чем больше горшок – тем больше возни при обжиге. В печь не лезет, никуда не лезет, а наружным обжигом – мало того что дров целый лес изведешь, так и жара не хватит. Уж и в яме его Митяй обжигал, и в земле печь прорывал, и чего только не перепробовал. А ведь надо было еще, чтобы горшок откидывался. А значит, нужна дверная петля. А как ее на глине закрепишь? Вмазывать? На клей рыбий сажать? Ох горюшко! Думай, голова, думу! Думай!

В общем, столько времени провозился Митяй, что и сам не поверил, когда, закрепив последнюю пуговицу, отошел от Горшени на шаг, а тот вдруг распахнул рот и произнес:

– Я Горшеня – голова глиняная, пузо голодное! Я тебя съем!

И тогда даже не о чуде Митяй подумал, что вот глина

ожила, – чудо он принял как должное, как и двушку раньше просто принимал, а о том, что ноги-оглобли на колесные ступицы сажать надо. Иначе никакого дегтя не напасешься. От быстрого движения станут оглобли гореть да истираться.

Теперь Горшеня готов. Смешной, голенастый, с руками-коромыслами и ногами-оглоблями, он носится по ШНыру. Поймать его невозможно. Через баньку в два прыжка переносится. В землю упрется, другой шаг на крыше, у трубы, а третий уже в бурьяне – поди поймай! Маланью глотает, Ивашку глотает, Носко глотает. Кика Златовласый до того любит в котле сидеть, что уж и подушку там себе припас. Теперь как работу на него какую навесят – он сразу бежит к Горшене.

– Ой-ой-ой! – кричит. – Ой, боюсь! Ой, не поймаешь!

Горшеня его, конечно, немедленно глотает, и Кика в котле преспокойно укладывается спать.

А вот Фаддей Ногата терпеть не может, когда его глотают. У него всегда дел невпроворот, некогда в брюхе медном сидеть. До того Горшеня бедного Фаддея довел, что тот теперь без шеста из избы не выходит. Знает, что пока у него шест в руках, Горшене его в горшок свой не протолкнуть.

А дождь все льет. Митяй подходит к краю навеса и, щурясь, чтобы в глаза не попадали капли, ловит в рот сбегающую дождевую струйку.

– Вкусно? – спрашивает Мокша.

– Вкуснее не бывает! – счастливо щурясь, отвечает Митяй.

Мокша, подражая ему, тоже ловит струйку губами, но дождь безвкусный и пахнет прелым деревом. Мокша разочарован. С Митяем вечно так. Присядет на тропинке и что-то разглядывает: «Чудо какое!» Подойдешь – а там паутинка какая-нибудь на ежевике, а в ней две капли росы блестят.

– Слушай! – говорит вдруг Митяй и озабоченно глядит на Мокшу. – Я ведь Горшеню не только для защиты золотых пчел сделал. Меня мысль одна грызет! Вот мы ныряем, плотными становимся, миры пронзаем. А стенка прозрачная… она как пузырь бычий… А ну как вовсе лопнет? Тогда болото может к нам хлынуть.

– Там дряблый мир еще. Авось не хлынет, – легкомысленно отзывается Мокша.

– К дряблому миру болото прорвется. Сейчас оно не прорывается, потому что нечего ему там делать. А как надо будет – вскипит и дряблый мир заполнит. А дальше только дырочку ему дай – просочится.

– А мы не впустим! – говорит Мокша.

– А как мы эту дырочку найдем? А Горшеня слабое место всегда угадает! Станет вокруг ШНыра по чащам бродить! Он ведь, когда надо, лучше лося любого через лес пробьется.

– И что будет, когда найдет? Заштопает он его?

– Заштопать не заштопает, а нас позовет! Мы тогда знак там поставим и место это для нырков закроем! – отвечает Митяй и вдруг зевает.

Мокша присматривается и обнаруживает, что вид у Митяя усталый.

– Ты когда спал-то в последний раз?

– Да я у Второй гряды сплю, урывками! – смущенно объясняет Митяй. – Там за час лучше отдохнешь, чем здесь за целую ночь! Полянка там есть такая. Спишь – и снятся мне сны чу́дные. Про Тита Михайлова, про Матрену Аляпову…

– А про меня тебе снилось? – ревниво спрашивает Мокша.

Митяй задумывается. Лоб его рассекает озабоченная морщинка.

– И про тебя однажды снилось. Дурной какой-то сон, смутный. Да ты снам не верь!

Мокша начинает допытываться, что за сон. Митяй отвечает неохотно:

– Снилось, будто сидишь ты где-то важный, точно царь, да только трон под тобой мягкий, прозрачный и живой. Ты в него постепенно проваливаешься, как в трясину. Мы кричим тебе, руками машем, а ты нас не слышишь! Приползает змей не змей, чудище не чудище – и начинает прорывать рядом с тобой землю. А из-под земли что-то жуткое прорывается… Я ведь, если честно, именно после этого сна начал задумываться, что будет, если болото к нам в мир прорвется.

Митяй смотрит на Мокшу легко, без обид и подозрений. Он никогда не помнит дурного, сразу все забывает. Потому, возможно, и ныряет так далеко. Если обиды помнишь – Первая гряда тебе потолок. Вот и сейчас, едва повторив свой сон, Митяй сразу о нем забывает. Мокша же ощущает сильнейшую злость на Митяя. Вот он какой! Летает ко Второй гряде, чтобы про него, Мокшу, сны глупые видеть!

Мокшу трясет от ярости. Он так ненавидит сейчас Митяя, что сам пугается этой ненависти. Точно и не его это чувство, а чужое чье-то. Зубами хочется в Митяя вцепиться, ногтями его рвать, но он сдерживается и отходит к Игрунье.

Вскоре дождь прекращается так же внезапно, как и начался. Митяй недоверчиво выглядывает из-под навеса – и вот он уже бежит к Ширяю. Мокша вскакивает на Игрунью. Разбрызгивая воду с мокрых крыльев, они летят к ШНыру. Здесь Мокша сразу отправляется в подвал к своему эльбу и, перевернув кадушку, вываливает его себе на грудь.

– Сегодня можно! Я должен успокоиться! – говорит он себе.

Мокшу так трясет, что эльб это сразу чувствует и выпивает его ненависть капля за каплей, вместо нее подселяя горьковатое удовольствие, в котором Мокша растворяется. Невидимые, тончайшие щупальца эльба входят в его тело, тянутся к мозгу.

Так с эльбом на груди Мокша и засыпает. Просыпается

посреди ночи. Рывком садится. Эльб тяжело сваливается с него, и Мокша заталкивает его назад в бочонок. В горле у Мокши сухо. Мокша ощущает: он должен что-то сделать. Хотя это странное знание, нашаривающее, беспокойное. Из цикла: пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что. Он торопится в пегасню, выводит Игрунью. Кобыла нервно всхрапывает, чуя пропитавший Мокшу запах слизи.

Мокша седлает кобылу и уходит в нырок. И опять все происходит как несколько месяцев назад. На двушке он разворачивает кобылу мордой к болоту, замедляет ее, насколько возможно, и начинает вползать в ночь. Летит долго. Так долго, что ему становится холодно, а на душе сухо и пусто. Игрунье он завязал глаза, чтобы она не пугалась. Но она все равно дрожит, точно корова, которую купивший ее человек в пропахшем кровью фартуке ведет невесть куда.

Это уже почти болото, но болото с другой стороны. Его дыхание пробивается через незримую границу. Не для того ли на двушке выросли Первая и Вторая гряды, чтобы окончательно отделиться от всего чужеродного?

Наконец Мокша ощущает, что он на месте. Снижается и долго ищет, к чему привязать Игрунью. Сосен тут нет вообще, лишь под ногами изредка попадаются поваленные, совсем уж в прах обратившиеся стволы. Но он как-то исхитряется, привязывает и, тревожно озираясь, бредет куда-то. Нога цепляет холмик из трухи, который когда-то тоже был сосной. Мокша падает, успев выставить ладони.

Упирается руками, хочет подняться – и внезапно различает слабое тревожное свечение, пробивающееся из-под того, что когда-то было хвоей.

Мокша торопливо разгребает ее руками. Перед ним – небольшой, не крупнее воробьиного яйца камень. Стенки у него точно из прозрачной слюды, спекшиеся, в мелких трещинках. Разглядеть то, что внутри, сложно, но взгляд у Мокши наметанный. Он видит, что это крошечный эльб. У Мокши перехватывает дыхание. Эльб?! На двушке?!

Он долго недоверчиво вглядывается и несколько раз меняет решение то в одну, то в другую сторону, пока не приходит к определенному выводу. Перед ним все же не совсем эльб – личинка эля примерно двух-трех месяцев от роду. Видно, еще до того, как двушка окончательно отгородилась от болота, где-то в болоте произошел микровзрыв. Капли жижи полетели на двушку и были сожжены светом из-за гряды. Но тут, во тьме, одна личинка, густо покрытая слизью, чудом уцелела. Под воздействием жара слизь отвердела и превратилась в защитный кокон. Спекшийся, остекленевший кокон защитил личинку, но одновременно стал и ее тюрьмой, не позволив ей завершить развитие.

Мокша держит личинку на ладони. Как с ней поступить? Оставить здесь? Взять с собой? Мысли начинают путаться. И опять Мокше кажется, что в темноте шевелятся серые тени.

«Если хоть одна в курятнике побывала, дорожку проло-

жила – не жить тут курам вовек», – слышит он гнусавый голос Фаддея.

«Захвачу с собой, а там видно будет!» – решает Мокша и, держа спекшийся камень в ладони, спешит к кобыле.

Глава шестая
Эффективный менеджер

Верь. Просто верь. Верь святым, которые прошли определенный путь и что-то поняли, что для тебя пока неясно и неочевидно. Верь им просто потому, что они стоят выше на горе и у них другой горизонт зрения. Верь тренеру, который учит, что бежать надо так-то и так-то. Потому что множество поколений спортсменов практически прошли через это, перепробовав все другие варианты, и остановились на этих. Мы все страдаем из-за нашего неверия. Не можем пойти дальше, потому что спотыкаемся на элементарных вещах, тупиковость которых миллионы раз доказана.

Из дневника невернувшегося шныра

Гай ждал Долбушина и Белдо в своем кабинете. Через потолок доносились короткие взвизги, грызня и устрашающие удары электрошока: в гиелятне шла кормежка. И пока одним гиелам бросали пищу, другие бесновались и грызли прутья. Охранник Гая, плечистый парень с нетипичным для его арбалетчиков лицом, каким-то слишком добрым и мыслящим, поспешил открыть перед ними двери.

– А где Тилль? – негромко спросил Долбушин у Белдо.

– В дороге. Привычка спать ночами – вредная привычка

для человека его профессии. Другая вредная привычка – по два часа приводить себя в порядок перед встречей с начальством. Особенно если само начальство рубашек никогда не носит! – печально отозвался Дионисий Тигранович.

Гай, облаченный в одну из своих длинных, с мягкими складками одежд, стоял у стола и переставлял фигуры на шахматной доске. Когда появились Долбушин и Белдо, он как раз держал в руке сутуловатого каменного коня, в котором глава финансового форта всякий раз с замиранием сердца узнавал себя. Увидев, куда нацелен взгляд Долбушина, Гай усмехнулся и переставил коня на белую клетку рядом с центром доски.

– Занятно: черный конь – и на белой клетке! Двусмысленно как-то смотрится! – сказал он, обходя доску кругом.

– Правила шахмат не запрещают, – спокойно отозвался Долбушин.

Гай не спорил.

– Разумеется, дорогой мой! На то они и шахматы! Вот и я себе это повторяю: не может он симпатизировать шнырам на том только основании, что его дочь одна из них! – произнес он стеклянным, очень опасным голосом.

– Я этого не делаю! – возразил Долбушин.

Внезапно Гай протянул руку и, прежде чем глава форта отодвинулся, потрепал его по щеке. Рука у него была холодной, как у мертвеца, зато ногти оказались почти обжигающими.

– Не оправдывайтесь, Альберт, незачем. С белой клетки конь обязательно перепрыгнет на черную. Это тоже закон шахмат.

– Белое… черное… Цвет – это лишь преломление лучей, и ничего больше! Кузепыч, жмот из жмотов, у них – кто бы вы думали? – ищущее добро, а моя Младочка, которая недавно отдала нищенке свои золотые сережки, – неисправимое зло! – примирительно сказал умненький Белдо, обнимая Долбушина за плечи и своим телом прикрывая его от Гая.

Глава форта был ему за это благодарен.

– Наш Альберт Федорович – эффективный менеджер. Лучший из всех, поскольку давно перешагнул черту, которая отделяет бухгалтера от романтика. Эффективные менеджеры не могут позволить себе играть только на одной половине доски. Ведь это будет означать, что другую половину они отдали кому-то другому, – продолжал Белдо.

Гай разлепил губы и улыбнулся.

– Все это так! Но даже если допустить, что с точки зрения узкой морали я зло, я хочу верности себе!

– Я вам верен, – раздраженно отозвался Долбушин.

– Допустим, верны, пока не доказано обратного, – легко уступил Гай. – Но вы колеблетесь. Я даже опасаюсь, не утратили ли мы с вами нужную дистанцию.

Белдо уже отошел в сторону, и лишенные цвета глаза Гая без помех вспорхнули на лоб главы финансового форта.

– Чем ближе узнаешь кого-то, тем стремительнее теряешь дистанцию. В идеале человек вообще не должен видеть своего правителя. Ближе знаешь – меньше уважаешь. Это, увы, непреложный закон.

Гай опустил глаза, и Долбушину на миг показалось, что у него нет зрачков. Глаза есть, а вот зрачков отчего-то нет. Потерялись, сгинули. Но едва ему так показалось, как зрачки, точно опомнившись, возникли.

– Вы ведь знаете историю, Альберт? Не историю шныров, а вообще историю?

– Насколько можно знать любую неточную науку, которая опирается на произвольно трактованные события, добрая половина которых вымышлена летописцами, а другая половина упомянута в летописях лишь однажды и ее нельзя перепроверить, – скептически отозвался Долбушин.

– Ну вот! Опять в вас проснулся недоверчивый бухгалтер! Нет, Альберт, истории все же можно доверять. Особенно там, где она переходит в миф! Именно в этих местах ее наполняет некий дух правды, я бы так сказал! Взять хотя бы Ассирию. Римские историки утверждают, что ассирийцы никогда не видели своих царей в лицо и потому считали их чем-то вроде богов. Держава цвела и богатела. Цари жили в огромном дворце-городе, которого никогда не покидали. Простому смертному туда было не проникнуть, а все приказы передавались через доверенных лиц.

Гай покосился на шахматную доску, и мятое лицо его

пошло веселой волной.

– Так продолжалось сотни лет, пока царем не стал Сарданапал. Как-то к Сарданапалу приехал наместник горной Мидии Абак и явился во дворец с подарками. Нет чтобы тихо сложить свои подарочки у ворот, поцеловать ступеньку и уползти, как все приличные наместники! Такой вариант всех бы устроил, и держава цвела бы и дальше! Нет, Абак, этот суровый и мрачный воин, высушенный походами по горам и пустыням, зачем-то потащился со своими подарками во дворец и во дворце случайно увидел Сарданапала. Охрана, расслабленная многолетним бездельем, не задержала его, и царя даже не предупредили, что придет какой-то там Абак. Безбородый, нарумяненный царь сидел в окружении своих жен. Он был в женском платье и на руках его были выщипаны все волоски. Наместник и царь не обменялись ни единым словом. Жены, спохватившись, тотчас окружили и скрыли царя. Они еще хоть что-то соображали! Пока еще было время, надо было казнить Абака, но почему-то царь этого не сделал. Очень скоро Абак поднял восстание, и на его сторону перешел главный жрец. Вот он-то интересно почему? И еще меня интересует, был ли этот жрец похож на вас, Дионисий? Вы ведь тоже в каком-то смысле наш жрец?

– Я жрец?! – испугался Белдо. – Да что вы такое говорите?! Меня тогда и на свете не было!

– Ну в таком случае вы оправданы! – успокоил его Гай. – Итак, восстание разгорелось. Город был окружен, тараны

день и ночь били в стены. И тогда Сарданапал повелел сложить во дворе огромный костер. Внутрь костра он приказал заключить всех своих наложниц, жен, детей и евнухов. Туда же снесли все его серебро и золото. Когда все это было сделано, царь торжественно взошел на костер и лично поджег пропитанные смолой дрова. Когда мидяне вошли в город, на месте роскошнейшего дворца осталась лишь куча пепла и некоторое количество расплавленного серебра. Вот во что выливается порой утрата дистанции!

– И почему вы рассказываете об этом мне? – спросил Долбушин, сжимая ручку зонта сильнее обычного. Он знал, что пока ему больно, Гай, слившийся со своим опекуном, не просочится к нему в сознание.

– Я заметил, как вы на меня посмотрели, когда я потрепал вас по щеке. Думаю, примерно так же посмотрел бы и Абак на Сарданапала, вздумай царь потрепать его по щеке своей выщипанной от волосков надушенной ручкой… Ну да, у меня нет костей, да и черепа нет, если уж на то пошло – но, поверьте, я весьма прочен! Да и зачем, скажите, вам сдался мой череп? Вы ведь черепа Дионисия Тиграновича тоже в руках не держали. И что, это сильно омрачило вашу жизнь?

– Фу!.. фу!.. Что вы такое говорите?! То я жрец, то мой череп держать в руках! Да чем же я так провинился? – с комическим ужасом воскликнул Белдо.

Гай неотрывно глядел на Долбушина – так глядел, что тот ощущал себя Сарданапалом в окруженном врагами городе.

Главе форта чудилось, что он по тоннелю проходит *болото* и что эльбы пускают в него охотничьи паутинки. И все, что Долбушину оставалось, – это сжимать ручку своего зонта и ощущать пульсирующую защитную боль. Сознание не справлялось: против Долбушина было сейчас все *болото*, через Гая изливалось все разом. Гай был одновременно и клоуном и палачом, но из-под всех этих масок проглядывал холодный исследователь. То, что находилось сейчас перед Долбушиным, не могло ни любить ни ненавидеть. Даже раздражалось оно не так, как люди. Это сплавленное из двух личностей, усиленное мудростью всего *болота* существо просчитывало теперь его надежность, как он сам просчитывал финансовые риски.

«А ведь я отсюда, пожалуй, не выберусь! Уж не заманили ли меня сюда Гай с Белдо, чтобы со мной расправиться?» – с тоской подумал Долбушин и решил, что если Гай хоть рот откроет, чтобы позвать охрану, то он ударит его ручкой зонта.

Однако Гай звать охрану не спешил. Прошелся по кабинету, пальцем качнул на шахматной доске черного коня и оставил фигуру на месте.

– Повезло вам, Альберт, что коней на переправе не меняют. Особенно черных! Не обижайтесь на меня! Вы типичный такой пуританин: смесь бульдога и проповедника. Эдакий голубь-миротворец, питающийся почему-то не зернами, а другими птичками! Людей, подобных вам, я массово встре-

чал в Англии в середине девятнадцатого века, куда мы с почившим предшественником Дионисия Тиграновича ездили заказывать седла для гиел. Потом, увы, такие люди вымерли как мамонты. Их выкосили мировые войны и массовое крушение империй. Несколько десятилетий их почти не было, но потом родились вы, Альберт!

Ожидая оценки своей речи, Гай оглянулся на Белдо – самого благодарного своего слушателя, который живой мимикой, своевременными охами и ахами один мог заменить целую зрительскую аудиторию. Увы, Белдо, обычно чуткий, на сей раз не одарил его даже улыбкой. Он стоял и печально смотрел себе под ноги. Его шея вытянулась, а выражение лица было как на похоронах. Под ногами у Дионисия Тиграновича небрежно валялся оплавленный, серебром окованный камень. Глава магического форта столько раз держал его в руках, что и на ощупь, с закрытыми глазами, узнал бы его среди тысяч похожих камней.

Гай подошел и толкнул камень носком:

– Да, Дионисий! Это он! Сколько трудов я когда-то положил, откалывая его от большой глыбы! Без этого камня не было бы ни личинок, ни псиоса, ни наших фортов. Но все в прошлом! Теперь он стоит не больше, чем можно получить за серебро, если содрать его… Но что там в Подземье? Рассказывайте!

Белдо что-то залепетал, однако Гай не стал его слушать. Он схватил старичка ладонями за виски и заглянул ему в

глаза. Проделал он это так резко, бесцеремонно и с такой силой, будто собирался сорвать голову с плеч главы магического форта. Тело Дионисия Тиграновича, пока еще привязанное к голове, заторопилось ножками и приподнялось на цыпочки.

– Прошу вас! – взмолился он. – Вы же меня так убьете! Я сойду с ума!

– Тогда не сопротивляйтесь! Не опускайте веки! И не надо блоков, а то я в вас что-нибудь ненароком сломаю! Предупреждаю: останетесь дурачком!

Жадно читая воспоминания Белдо, Гай не следил за своим лицом. Лицо то натягивалось, то опадало и больше обычного походило на медузу. Закончив, Гай брезгливо оттолкнул Белдо. Не ожидавший этого, старичок засеменил, с трудом удержав равновесие.

– Отлично! Проход к хранилищу открыт! А вот людей потеряли уже вы сами, Дионисий! Никто не просил вас соваться внутрь. Только снять защиту. Или псиос надеялись получить? Для этого же взяли с собой своих Чернаву и Лею? Они должны были избавиться от берсерков, верно ли?

Старичок смутился. Долбушин же ощутил себя дураком. Гай за минуту разобрался в том, что для самого Долбушина осталось тайной.

– Но что их убило? – трусливо втягивая голову в плечи, промямлил Белдо.

– Как, Дионисий! Вы и этого не поняли? Их убил *рогрик*,

которого замуровали Сергиус Немов, Мещеря Губастый и прочие первошныры.

– *Рогрик*? – недоверчиво переспросил Долбушин.

– Так назвал его Сергиус… – пояснил Гай. – Не знаю почему. Потом я много раз искал это слово в словарях – и всякий раз или не находил вовсе, или оно имело не то значение. *Рогрик* – существо, сложившееся из множества эльбов. Коллективная форма существования. Есть у них такая. Люди, когда сражаются между собой, объединяются в армии, и в этих армиях царит ужасная неразбериха! У эльбов все гораздо проще. Сильные поглощают слабых, и в конце концов возникает *рогрик – эльбеус* огромной силы. Один-единственный, впитавший всех! Несколько сотен лет назад *рогрик* уже пытался пробить границу между мирами, чтобы в наш мир хлынуло *болото*. Первошнырам удалось заточить его.

– Вы знали, что он в хранилище, и послали нас открыть его?! – простонал Белдо.

Гай взглянул на него с иронией:

– Что за испуг, Дионисий? Разве это не ваша мечта, чтобы «великий мудрый космический народ», как вы всегда называли эльбов, обрел в нашем мире долгожданный покой?

– Э-э… – замычал старичок. – Да нет, я рад, конечно… Просто я подумал, что мы… э-э… не достигли еще той душевной чистоты, того доверия, которое…

Голос у Белдо окреп: бывалая лошадка выскочила на привычную дорожку.

– Увы, Дионисий, и душевной чистоты не достигли, и *рогрик* пока не может покинуть хранилище! – перебил его Гай.

– Как не может?!

– Я увидел это вашими глазами. Он все еще в заточении!

– Но почему?! Мы же туда проникали!

– Через щель? Мещеря Губастый просчитал и вариант, что когда-нибудь хранилище придется открыть. И вот для того, чтобы *рогрик* не вырвался, он сделал щель очень узкой. *Рогрику* так не сжаться.

– А он не может проломить стену? Или убрать с дороги валун? – спросил Долбушин.

– Эту стену и этот валун? Исключено. Мещеря и кусочки охранных закладок вделывал, и глину из-за Первой гряды возил, чтобы стены промазывать. А где Мещеря – там на века. Перемерит все веревочкой, глаз прищурит – и все у него сойдется! – в голосе Гая восхищение смешалось с досадой.

Белдо, точно умная ящерка, высунул и сразу спрятал язычок.

– Ох-ох-ох! – сказал он, выкатывая «охи» как горошины. – А что случится, если *рогрик* прорвется?

– Поползет в следующее хранилище – и так пока не объединит всех эльбов нашего мира. Ну или большую их часть. А потом опять попытается проточить ход между мирами и впустить *болото*! – объяснил Гай.

– Так произошло и в прошлый раз, когда ему не хватило сил? – спросил Белдо.

– В тот раз пещеру, в которой находились подросшие эли, подтопило грунтовыми водами. Я думал, что они погибнут, и ничего не предпринимал, но рыхлые полуличинки бросились пожирать друг друга. Вначале сильные пожирали слабых, потом сражались между собой, пока несколько дней спустя не возник *рогрик*! Ах, какая была битва между ним и первошнырами! Эпическая! Сражение Ахиллеса с Гектором в сравнении с ней просто драка двух пьяных в кабаке!

– Зачем нам открывать *болото*, Гай? Что мы выиграем? И что выиграете вы? – резко спросил Долбушин, до того долго молчавший и пытавшийся поймать ускользавший от него взгляд Гая.

Гай покосился на неплотно закрытую дверь. Долбушину пришло на ум: не приказ ли это арбалетчику с добрым лицом пустить болт ему в голову? Интересно, останется ли его лицо и после этого добрым?

Однако Гай поступил иначе. Он шагнул к двери, прикрыл ее и провел сверху вниз ладонью, что исключало всякое подслушивание. Потом повернулся к главе финансового форта, и его гибкий рот вдруг страшно растянулся до самых ушей – так, что, казалось, мог проглотить и Долбушина и Белдо.

– Хотите начистоту? Пожалуйста! Мы засевали мир личинками эльбов потихоньку, без спешки, без резких скачков! Засевали просто потому, что нам за это платили псиосом. Но шныры своей новой закладкой спутали нам карты. А так, возможно, на наш век бы еще хватило спокойного ста-

рого миропорядка! Шныры сами во всем виноваты!

– Послушайте! – начал Долбушин, но Гай шагнул к нему и рукой прижал к стене:

– Поздно, Альберт! Новая закладка шныров делает этот мир непригодным для эльбов – слишком жарким, слишком светлым! Эльбы наказывают нас за это: нам уже перестали выдавать псиос, а без псиоса нет фортов.

– Но ведь и раньше…

– Раньше был этот посеребренный обломок! Без него инкубаторы не засеять новыми личинками! Скоро начнут умирать ведьмы и все, кто получил дар, присвоив себе чужие закладки! Только обломок уберегал их от гибели и от сумасшествия! – зашипел Гай каким-то не своим, песком пересыпающимся голосом.

За спиной у Гая мелькнуло белое вытянутое лицо Белдо. Сколько чужих закладок втянул в себя старичок, сколько чужих даров забрал – этого вообще не перечесть.

– Давайте все взвесим! – заблеял Дионисий Тигранович. – Допустим, *рогрик* выбирается из хранилища и взламывает границу между мирами. *Болото* прорывается, и у нас оказываются сразу миллионы эльбов. Единение миров в унисоне, так сказать, бьющихся сердец! Это прекрасно – но какие гарантии, что мы будем в выигрыше? Ведь эльбы… умоляю, простите, что я это говорю! – тут старичок прижал руки к груди. – Готовы что-то давать, лишь пока не могут получить это бесплатно! А тогда мы станем им не нужны!

Гай поднял на него пустой взгляд, и в его зрачках старичок увидел свое отражение. И почудилось ему, что если Гай захлопнет сейчас глаза, то и отражение будет захлопнуто и раздавлено, а с ним вместе и он сам.

– А тут вы ошибаетесь! Даже затопленный, этот мир будет еще долго сопротивляться. Тем эльбам, что прорвутся, будет здесь непросто. Чужая среда, солнечный свет, ветер, низкая влажность, эта новая закладка, наконец… Да, многое изменится, но что-то и останется. Не исключено, что взрослые эльбы вообще предпочтут остаться в *болоте*, а наш мир будет заселяться их личинками! И тут эльбам понадобимся мы! Так что с псиосом проблем не возникнет, это я вам обещаю!

Рука Гая давно уже отпустила Долбушина, а тот все еще стоял у стены. Вспоминал, как когда-то, еще юным шныром, проходил через тоннель. Какие убедительные, жуткие, убийственные видения! Сожмешься как зайчик, уткнешься в гриву пегу – одно спасение. А тут уже не пять минут, а целая вечность! И никаких тебе пегов, крыльями разрывающих паутину!.. Никакого спасения!

Глава седьмая
Бывший друг

Чтобы Родион влюбился в девушку, она должна делать три вещи: бегать стомильные марафоны, метать топоры и петь.
Яра

Родион сидел на брикете с прессованным сеном и вертел в руке смартфон Рузи, который недавно подарила толстячку мама. Смартфон был с хорошим процессором, отличной камерой, серьезной памятью, но вместе с тем и не из самых разрекламированных. Лучшего выбора сделать было невозможно. Мама у Рузи, знаток блинчиков, пирожков и супиков с протертым сыром, едва ли была одновременно и знатоком техники, но умела грамотно извлекать сведения с правильных интернет-форумов.

Сам счастливый собственник телефона пыхтел рядом, убирая денники. Если Рузе и не нравилось, что его смартфон в чужих руках, то он никак этого не выражал. Родион не относился к числу тех, кто с тобой сильно церемонится.

Дождавшись, пока Рузя, нагрузив в тачку смешанный с соломой навоз, скроется в воротах, Родион включил режим конфиденциальности и вышел на сайт знакомств. Он считал, что искренне презирает такие сайты, но вместе с тем его по-

чему-то туда тянуло. Родион считал, что ходит туда, чтобы поиздеваться.

Вот и сейчас повод обнаружился почти сразу. С первой же фотографии на него смотрела красивая, как кукла, девушка в купальнике, снятая в обнимку с пальмой. Пальма обнималась очень умело. Те части тела, в которых девушка не совсем была уверена, были скрыты ее стволом. Удачные же части ненавязчиво выставлялись для демонстрации. Текст под фотографией дополнял ту информацию, которая не помещалась у девушки в глазах.

«Валерия, 23 года, занимаюсь духовным самосовершенствованием. Изучаю английский язык. Мечтаю объехать весь мир».

«Хороший вариант для делмэна. Тут сразу и ценник, и кодовые слова», – презрительно подумал Родион. А еще он подумал, что интересно было бы, напиши Валерия под фотографией «Мечтаю родить любимому человеку десять детей! Согласна переехать в тундру и питаться одной картошкой». Но, увы, переездом в тундру Валерия явно не грезила. Вместе с тем смотреть продолжительно на ее фотографию Родион не стал, зная, что, впечатленный тем, чего пальма все же не скрывала, будет весь день метать ножи в деревянный щит у ворот.

Он смахнул с экрана Валерию, и ее место сразу заняла вторая по рейтингу девушка. У этой было сложное лицо с опасным изломом бровей и тем выражением, что обещало

непростой характер и фокусы, которых от Валерии вряд ли можно было ожидать. Было понятно, что своим «ндравом» она будет полоскать своего избранника как тряпочку и успокоится только на человеке сильном и жестком, который согнет ее в бараний рог. Тут она будет страдать, жаловаться, но внутренне останется довольна.

«Маргарита, 21 год, ищу своего Мастера», – прочитал Родион.

«Мастера» все-таки с большой буквы. Умница! Если ищешь мастера с маленькой – найдешь водопроводчика», – ехидно подумал Родион. И тут же поймал себя на мысли, что из двух девушек Валерия все же нравится ему больше. Ее не надо будет «мастерить». По ценностям она вполне уже сложилась. Обеспечь ей удовольствия, накорми, дай денег – и никаких сюрпризов можно не ожидать. Оттого и двойствен был Родион, что телом его тянуло к таким вот холеным Валериям, которых он презирал, а душой он простить себе этого не мог, потому что все-таки был шныр.

Смартфон Рузи завибрировал, и выползло оповещение мессенджера:

> *Мамуля: Ты хорошо покушал? Желудок больше не болел?*

– На, держи! – Родион протянул смартфон Рузе. Пока Рузя подходил, успело выползти еще одно оповещение:

> *Мамуля: Почему ты молчишь? Ты страдаешь? Знаешь, я поняла, что все дело в кислотности. Давай*

покажемся Антону Марковичу.

Рузя что-то напечатал, отвечая маме, потом выпрямился и, держа руку на пояснице, жалобно попросил у Родиона:

– Послушай… Научи меня драться!

Родион окинул его оценивающим взглядом.

– Бесполезняк! – сказал он.

– Ну хоть приемы какие-то! – взмолился Рузя.

– Да какие тебе приемы?! Это только новичкам кажется, что есть волшебные приемы, которыми можно всех ронять. Но это до первой больницы, как говорится. Бегай, приседай, отжимайся – больше толку будет.

– А приемы почему нельзя? – огорчился Рузя.

– А на что их вешать, твои приемы? Если жертвы резко агрессивными становятся, их сразу забивают. Так что лучше отжимайся!

– А ты мне помогать будешь?

– Отжиматься? – удивился Родион. – Нет, не буду. Ты уж сам как-нибудь. А мне пора колоть дрова.

– Какие дрова? – озадачился Рузя.

– Никакие. Нужно пробежаться! Из-за твоего смартфона я слишком глубоко нырнул в бездны порока. Ты Штопочку видел?

Рузя завертел головой с такой энергией, что его уши произвели ветер. Искомая девица Штопочка обнаружилась в небе над Копытово, где она тщетно пыталась подстеречь хотя бы одного берсерка. Берсерки узнавали ее издали и близко

не совались. Штопочка и для берсерков была легендой, и они по-своему любили ее, никогда не пытаясь издали подбить из мощного арбалета. Если уж биться со Штопочкой, то только честно, один на один. И никак иначе. Берсерки-наездники – не простые топорники Тилля. Это элита, а элита не может без профессиональной чести.

Родион нашел Штопочку, коротко и загадочно переговорил с ней, и оба исчезли из ШНыра. Перед тем как последовать за Родионом, Штопочка подозвала к себе Рузю.

– Присмотри за моим пегом! Кормить-поить не забывай. В денник лишний раз не суйся. Он тебе уши отгрызет! – сказала она, сопроводив свои слова несильным толчком в грудь.

«Спасибо» и «пожалуйста» Штопочка никогда не произносила. Правда, и от других этих слов не ждала и морщилась, когда кто-то порывался ее благодарить. «Ерунда! Дерьмо-вопрос!» – отмахивалась она, отдежурив за кого-то ночь в пегасне.

Захватив с собой лишь шнепперы, небольшие рюкзаки и пластиковые бутылки, Родион и Штопочка перемахнули через забор ШНыра и унеслись в лес. Кузепыч, стоявший на пороге сарая-склада, увидел их, рванулся было вдогонку, но уже через два шага остановился.

– Бабка ежика! Опять на несколько дней смылись! – завопил он им вслед.

Исчезали Штопочка и Родион уже не в первый раз. Легкие, неутомимые, как волк с волчицей, они держались бу-

релома, глухих мест, оврагов. Двигались не бешеным задыхающимся галопом, который заставляет человека уже через несколько километров упасть на землю, а бéгом – упорным, неспешным, который может продолжаться часами. Прямая спина, лишь с легким наклоном вперед, подобранный живот. Ноги работали как поршни, с одинаковой частотой, бежали ли они в гору или с горы – только удлинялся или укорачивался шаг.

Родион и Штопочка бежали по лесам, по гарям. Через железнодорожные пути, через вспаханные поля, по выработанным карьерам, опять по лесам. Воду в пластиковые бутылки наливали из ручьев: пить хотелось постоянно. Они бежали по Подмосковью, не имея ни четкого плана, ни карты. Если изначально карта и существовала, она обычно терялась при переправе через реку или болото. Под ногами разлетались трухлявые стволы, давно ждавшие момента, чтобы обратиться в ничто. Изредка вспугивали кабана или встречали в чаще выбеленный череп лося. Бежали Родион и Штопочка по десять-двенадцать часов без перерыва, а однажды, чтобы испытать силы, даже и тридцать шесть часов подряд.

Выбившись из сил, Штопочка и Родион спали на земле, упав прямо в листву и в нее же зарывшись, если было холодно. Костры разжигали редко. Если проводишь ночь у костра, дымом ухитряется пропахнуть не только одежда и волосы, но и кожа. Потом ни в одном поселке нельзя показаться, не вызвав повышенного интереса к своей персоне. Питались

гречкой, которую не варили, а лишь замачивали в пластиковых бутылках. Гречка разбухала в холодной воде и за ночь становилась похожей на вареную.

Самое удивительное, что между собой Родион и Штопочка почти не разговаривали. Во всяком случае ничего более значительного, чем «Где вода?» или «Дай ложку, я свою в болоте утопил!». Через три-четыре дня они опять оказывались в ШНыре. Вымотанные, отощавшие, с ввалившимися щеками. Шли медленно, после каждого шага вопросительно приостанавливаясь и словно задавая своему телу вопрос: «Ну что? Будешь стоять или собираешься падать?»

Зато лица у Штопочки и Родиона выражали счастье. Даже где-то с прорывом в блаженство. Это были люди, чуждые всем метаниям и терзаниям. Они больше не задумывались, счастливы ли они, не порывались бросать ШНыр, не проклинали своих золотых пчел и не роптали на судьбу. После таких пробежек Штопочка и Родион с неделю приходили в себя. Радовались, что просто дышат и пьют воду. Постепенно начинали показываться в пегасне и около месяца были примерными старшими шнырами. Штопочка до блеска вычищала Зверя, шерсть которого начинала блестеть и лосниться. Родион ходил в нырки, проверял зарядные закладки и охранные шныровские точки.

Со временем силы постепенно возвращались, а вместе с силами возвращались и страсти. Штопочка опять начинала носиться на Звере вокруг ШНыра, с вызовом щелкая бичом,

если видела берсерка, а Родион совершал опасные вылазки к базе ведьмарей, снимая зазевавшихся часовых.

Постепенно и этого им становилось мало. Накапливающиеся силы раздирали их, как газ разрывает слишком сильно надутый шар. Недовольство собой росло, требуя выхода. И вот однажды утром хмурый Родион подходил к хмурой Штопочке, ручкой бича сбивающей с кустов росу, и говорил ей только два слова:

– Готова? Пробежимся?

– Пять минут! – мгновенно отвечала Штопочка, и вскоре две быстрые тени уже перемахивали через ограду ШНыра.

* * *

Так было и сегодня. Родион и Штопочка бежали без отдыха до вечера. Наконец Родион остановился и спросил:

– Как ты? Устала?

Штопочка замотала головой и протянула руку. Обе ее бутылки были пустыми. Родион сунул ей свою, где на дне еще бултыхалась вода с заметной взвесью песка:

– Пей все. Скоро ручей, там наберем!

Штопочка напилась, прополоскала рот, после чего несколько капель воды вылила себе на запрокинутое лицо. Выглядела она скверно: веки красные, точно помадой обведенные. Это оттого, что их заливало пóтом, а Штопочка имела привычку вытирать пот грязными руками, а не промокать

его майкой. Прямо по центру лба, как глаз у циклопа, у Штопочки был фонарик-налобник.

– Сколько мы пробежали? – спросила она хрипло.

– Самое большее – восемьдесят.

– Чего так мало?

– Это из-за оврагов. Мы там едва тащились, – отвечал Родион.

Штопочка кивнула и, вернув ему бутылку, провела рукой по шее.

– Комарье… В следующий раз надо платок на шею повязать, – сказала она.

– А чего ты их не давишь?

– Если давить, они только больше летят, – сказала Штопочка и, сорвавшись с места, опять побежала.

Родион задержался, чтобы убрать бутылку. В следующий раз они остановились только у ручья и еще один раз, чтобы сменить садящиеся батарейки. На рассвете они устроили двухчасовой привал. Этого времени им хватило, чтобы осмотреть ноги. Кроссовки Штопочки совсем раскисли, а у Родиона между пальцами была огромная водянка. Родион осторожно проколол ее стерильной иглой и, выпустив воду, заклеил обычным суперклеем, после чего туго обмотал стопу двусторонним матерчатым скотчем.

– Ты псих. Копыта отбросишь. Клей токсичный, – заметила Штопочка, прожаривающая свои мокрые носки над костром. С носков, которые она надела на палку, в огонь капа-

ла грязная вода.

– Не отброшу. На этикетке написано, что он склеивает стекло, пластик и кожу.

– Чью кожу? Твою?

– А у меня что, не кожа? – отозвался Родион, продолжая придирчиво разглядывать свою ногу. Ему важно было убедиться, что во время бега скотч не собьется, потому что иначе он все раздерет и будет только хуже.

Отдохнув, они опять побежали и не останавливались до четырех часов дня, пока, поднявшись на очередной холм, Родион не увидел внизу шоссе. Разогнавшаяся Штопочка под углом сбежала с сыпучего холма и тоже остановилась, согнувшись и упершись ладонями в колени.

– Чего такое? Черепашка отдыхает? – задиристо крикнула она снизу.

– Погоди! – отозвался Родион. – Мы, кажется, слишком к югу завалились. Посмотри, куда нас занесло.

Штопочка покосилась на шоссе, после чего перевела взгляд на синий сплошной лес за ним. За лесом угадывался большой разрыв.

– Кубинка? База ведьмарей где-то недалеко. – Штопочка стояла и, восстанавливая силы, глубоко дышала.

– Ты что, знала, что мы к ней свернули? – удивился Родион.

– Я думала, ты специально сюда бежишь. Ну там прибить кого-нибудь и все такое.

В голосе у Штопочки Родиону почудились нежность и покорность. Он подозрительно взглянул на нее.

– Ты как? Не устала? – спросил он.

Штопочка усмехнулась. Недавно она упала, и теперь вся правая щека ее и вообще вся правая сторона тела были покрыты коркой грязи.

– Не знаю. Подошва вот только оторвалась, собака… Конец кроссовкам, – пожаловалась она.

– Ты что, не знаешь, устала ты или нет?

– А какой смысл это знать, если все равно надо бежать? – удивилась Штопочка и сухо сплюнула на траву. Вода у них опять закончилась, и они страдали от жажды. Вокруг была куча влаги, лес буквально раскис от недавних дождей, а вот набрать бутылки было негде. Они нашли лишь полную грязной жижи канаву, в которой явно не плавало здоровье.

Родион тоже сплюнул. Или, точнее, попытался, потому что плевать было нечем.

– Вода нужна. Давай до бензоколонки пробежимся.

– Бензоколонка принадлежит Тиллю, – сказала Штопочка.

– И что? – задиристо спросил Родион. – Тилль стоит у входа и не пускает шныров в туалет набрать воды?

Штопочка покосилась на пустую бутылку.

– Я бы не советовала ему стоять между мной и краном, – сказала она мрачно.

Тилль у входа не стоял. И на кассе не стоял. И сыновья

его не стояли. И прочие родственники. Внешне бензоколонка выглядела обычно. Разве что на красном пожарном стенде топор был какой-то подозрительный, не такой, какими обычно бывают топоры на бензоколонках.

Работали на колонке два парня и сонная девушка, которая заученно повторяла каждому посетителю: «Не желаете кофе?» – но при этом так произносила «не желаете», что никто и не желал.

– Я желаю! – сказала Штопочка, возникая из туалета с двумя полными бутылками воды. – Кофе! И шесть ложек сахара…

Девушка с ужасом покосилась на Штопочку и сунула стаканчик под кофейный автомат так поспешно, что едва не ошпарила себе руку. Штопочка выпила кофе с таким количеством сахара, что он еле-еле растворился, после чего заела его вытащенной из кармана сырой картофелиной, окуная ее сперва в кофе, а потом в соль. Для человека, который сутки бежал, это совершенно нормально. А соль лучше усваивается именно таким образом, с сырой картошкой. Вот только девушка почему-то тревожилась и косилась на ящик под кассой, где у нее хранилась выручка.

– Расплатись за кофе, и идем! – сказал Родион, за рукав потянув Штопочку к выходу. От дверей он вернулся и, вежливо уточнив: «Вы же не против? Это бесплатно?» – пересыпал соль из стаканчика в карман.

Они пересекли шоссе, отделяющее их от Кубинки, и дол-

го бежали по проселочной дороге. Потом нырнули в лес по первой же нераскисшей тропинке. До базы ведьмарей отсюда было километров восемь. Все удовольствие от бега давно уже испарилось, и сознание сузилось до самого необходимого.

Ощущение времени западало, как сломавшаяся кнопка. Родион проваливался куда-то, потом точно всплывал и с удивлением осознавал, что он не только не упал, а непонятно как проскочил еще участок леса. Кажется, когда он проваливался, это высокое дерево было впереди, а теперь оно рядом.

Никакая длинная мысль в голове у Родиона уже не умещалась. Он даже несчастным себя не ощущал, и ШНыр не казался ему больше серой дырой, а будущее – пустым и безрадостным. И вообще он больше не был уверен, что он – это он, а не кто-нибудь другой. При каждом шаге ему казалось, что ноги его где-то теряются. Он понимал только, что движется, и изредка командовал себе: «Переступи через бревно! Так… хорошо! Теперь другую ногу!» Он достиг абсолютного предела, и все, что теперь оставалось, это пробиваться вперед.

В какой-то момент, он даже не понял в какой, Родион прорвался в новую реальность. Усталое, почти мертвое тело ожило. Он, давно дышащий как паровоз, залитый потом, с забитым слизью носом, ощутил непонятную легкость. На него словно нашла волна. Родион даже покачнулся от толчка этой волны. А вместе с волной пришли и новые ощущения. Огромный, пустой, противный подмосковный лес с бу-

реломом и множеством оврагов ожил. Далекий стук дятла по сухому стволу стал громким, близким и отчетливым, хотя дятел находился там же, где и прежде, а крошечную каплю, повисшую на листе, Родион увидел так выпукло и подробно, будто она была громадным зеркалом. Родион слышал о таком. Это называется эйфорией бегуна, и она всегда лежит за порогом усталости. «Это не второе. Дыхание. Это уже двадцать. Второе. Дыхание», – сказал однажды Меркурий.

Родион знал, что такая эйфория длится обычно недолго, но что многие только ради нее и бегают – это природный стимулятор. Усталое тело оживает, высвобождая лежащие за порогом усталости резервы, о которых никогда не подозревало, потому что никогда не утомлялось так сильно.

Как устроен человек? Зеленая шкала уюта, за ней – желтая шкала терпимого неуюта, за ними красный сектор боли, который кажется глухой стеной, но за стеной, коль скоро ты ее не побоялся, оказываются сила и легкость. Оказывается, что ощущения испуганного тела были фальшивкой. Слишком рано тело испугалось. И пятой части сил не исчерпало, а уже попыталось задрать ручки.

Сейчас же Родион ощущал себя сверхплотным, как в нырке. Ему, как когда-то богатырю Святогору, чудилось, что будь у земли железное кольцо, он смог бы потянуть за него и перевернуть землю. Находясь все в том же всемогущем состоянии, Родион обернулся и посмотрел на Штопочку. Она выглядела измотанной. Колец для переворачивания земли

не искала, а просто переставляла ноги.

– Чего лыбишься? Шагай давай! – сказала она, толкая Родиона в грудь.

Родион обнял Штопочку и поцеловал ее в грязную, соленым потом пропитанную щеку. Штопочка ошеломленно отпрянула и схватилась за щеку, будто ее не поцеловали, а укусили.

– Больной?! А с локтя в челюсть не хо-хо? – спросила она ошалело.

Родион отпустил ее и с места перескочил через поваленный сосновый ствол, через который всего минуту назад перебирался бы, как столетний дед через забор с гвоздями. Правда, на этом вся эйфория и завершилась, поскольку ноги сразу отозвались так, словно он прыгнул в раскаленное стекло. Да и вообще оказалось, что за стволом овражек. Когда Родион, уже без всяких героических козлений, а просто на животе выбрался из него, Штопочка застыло стояла и смотрела куда-то вперед.

– Эй! Ты чего? – окликнул ее Родион.

Штопочка не отозвалась. На ее покрытой засохшей землей куртке плясали две красные точки.

Родион увидел четырех берсерков, стоявших не кучно, как бараны, а со знанием дела рассыпавшихся вдоль тропы. Ему хватило взгляда, чтобы определить, что это были не берсерки-наездники, опасные лишь в связке с гиелами, и не громоздкие шкафы-топорники, а берсерки из отдельного отря-

да Тилля, отвечающие за наружную охрану базы ведьмарей.

В этот отряд, насчитывающий не больше двадцати человек, отбирались самые опытные разведчики, неделями способные автономно жить в лесах, выслеживая шныров и охраняя внешний периметр. У Родиона с этим спецподразделением были свои счеты. Порой он подолгу подкарауливал кого-то из них – и всякий раз речь шла о том, кто лучше спрячется и увидит врага первым. Расклад простой и жесткий. Промахи в битвах профессионалов не рассматриваются. Когда вероятность промаха высока – тогда не стреляют, чтобы не выдать своего укрытия. А теперь первыми обнаружили их. Надеждой, что можно ускользнуть от берсерков, прыгая между елочками и отбивая руками болты, Родион себя не тешил. Даже до *нерпей* им сейчас не дотянуться. Они в рюкзаках. Там же и невзведенные шнепперы. Никто не таскает шнеппер заряженным, чтобы он при случайном срыве тетивы не выстрелил тебе в спину.

«Все. Финал», – подумал Родион. Он выдержал до конца. Не сорвался, не свалил. Не бросил ШНыр, хотя столько раз собирался. Возможно, теперь, когда он поймает в лоб болт, его ждет *двушка*. Ну если верить, конечно, когда-то давно произнесенным словам Митяя, что шныры, оставшиеся шнырами до конца, после смерти переселятся за Вторую гряду. В ШНыре к этим пророчествам относились с осторожностью. Не то чтобы не верили, но предпочитали лишний раз не вспоминать. Никто не писал огромными буквами на сте-

нах «Умри шныром – попадешь за Вторую гряду!» и не дрожал подбородком, читая эти слова. За Вторую гряду мечтали попасть еще при жизни.

Штопочка, на чумазой щеке которой плясала точка лазерного прицела, досадливо отмахнулась от нее точно от мухи. Спокойно уселась на бревно и за кожаный шнурок вытянула из-под шныровской куртки нечто, висевшее у нее на шее. Медленно тянула, с дразнящей медлительностью.

– Ну что, комарики, полетаем? – спросила она.

Пальцы Штопочки на миг разжались, являя миру стеклянный пузырек с широким горлышком. Внутри слабо просвечивало что-то, напоминающее сморщенное яблоко. Главный в четверке берсерков – поджарый, с обветренным лицом парень – шепотом выругался.

– Чего там у нее, Паш? Граната? – без особого страха спросил берсерк, держащий на прицеле Родиона и потому не рискующий поворачивать голову.

Берсерк с обветренным лицом ответил не сразу. Когда же ответил, голос у него звучал хрипло:

– Атакующая закладка!

Считая, что берсерк ошибся, Родион недоверчиво оглянулся на Штопочку. Расхохотался. Он думал, что умрет от болта. Неужели Штопочка все время таскала с собой атакующую закладку?! А если бы она налетела пузырьком на камень, когда они вчера пробирались по оврагам?

– Надеюсь, в ШНыре ты его хотя бы снимала? – спросил

он.

Штопочка ухмыльнулась. Родион понял, что вопрос был наивным. Шнурок выглядел так, словно его не снимали годами. Видимо, это было самое первое, что надела себе на шею юная Штопочка, когда немного разобралась, что к чему.

Обветренный берсерк быстро взглянул на Родиона. Кажется, оба они подумали об одном и том же. На уставшем, взмокшем, с растрескавшимися губами лице Штопочки было написано торжество и огромное желание сдернуть с шеи пузырек. Штопочке не решаться приходилось, а сдерживать себя, чтобы не пустить в ход закладку прямо сейчас.

– Ну так чего ждем? Стрелять в меня будем? – спросила она.

– Ты не успеешь! – пробормотал один из берсерков.

– Успеет! – Без спешки, чтобы у целившихся в него не дернулся палец на курке, Родион шагнул вперед и загородил собой Штопочку. Теперь все красные точки перепорхнули на него, и лишь одна металась туда-сюда, пытаясь нашарить Штопочку, но цепляя лишь плечи ее куртки.

– Давай! – приказал Родион. – О землю не бросай – спружинит! Ударь о камень или о дерево! Только быстро!

– Стой, парень! Не пори горячку! – крикнул берсерк с обветренным лицом. Он не был трусом, но мысль, что два измотанных шныра, все имущество которых легко поместилось бы в один мусорный пакет, утащат его на тот свет, пугала его.

«Этим отмороженным на все наплевать!» – подумал берсерк, и ему вдруг как-то само собой вспомнилось, что дома его ждут красавица жена и маленькая дочка. И что через неделю у него отпуск. Уже куплены билеты на тихий океанский остров, где жители и зимой и летом ходят в шортах и ездят на военных американских «Виллисах» пятидесятилетней давности. Эти «Виллисы» хранились законсервированными на какой-то военной базе, а потом их попросту списали и продали, поскольку никакая машина, даже бережно хранимая, с годами не становится новее.

А еще вспомнилось берсерку, что командиром четверки он стал всего месяц назад и еще ни разу не получал псиос по новому, командирскому окладу. С псиосом были перебои, и Тилль предупредил, что вместо псиоса на этот раз могут выдать обычные деньги. Новенькие крепкие пачки, перетянутые банковскими лентами. Ну деньги и деньги, пусть будут деньги. Таких пачек немало в хранилищах форта Долбушина. Магией они не обладают, но чудеса все равно творят. Если немного подкопить, то можно купить небольшую уютную квартирку и не снимать больше жилье.

И еще берсерк вдруг сообразил, что его смерть будет совершенно напрасна. Его жена даже пособия от форта не получит. Приказа нападать на Штопочку и Родиона у него не было. Он даже Тиллю не сообщал, что выследил их, страхуя себя от неудачи. Сообщишь – а потом что-то сорвется, и ты окажешься виноват. Просто получил сигнал от оператора,

следившего за установленными на бензоколонке камерами, что вот странные какие-то ребята тут шатаются, прикинул, в какую сторону они могут двигаться, и решил, что, если приведет их живыми, это будет отличная возможность показать Тиллю, что тот не ошибся, сделав его командиром четверки. Кто мог знать, что эта психованная носит с собой атакующую закладку?!

Красная точка прицела с плеча Штопочки скользнула к ее глазу. Штопочка раздраженно дернула головой.

«У кого это руки трясутся? Вот баран! Она же взорвет нас всех!» – старший берсерк стал оборачиваться, отыскивая виноватого, и внезапно понял, что точка была от его арбалета.

– Мне надоело! У меня не видит один глаз! – злобно сказала Штопочка. – Считаю до трех! Раз!

И сразу пришла ясность. На счет «раз» командир четверки ослабил нажим на курок, на счет «два» сделал быстрый и плавный шаг назад, попутно подав своим знак отходить. А еще спустя несколько секунд поляна опустела. Родион бесшумно скользнул за берсерками, чтобы убедиться, что они действительно ушли.

Штопочка продолжала тереть ослепленный глаз. Она была даже недовольна, что ей не удалось воспользоваться закладкой.

– Вслед им хотела швырнуть, а ты за ними зачем-то потащился! – злобно сказала она Родиону, когда тот вернулся.

Родион покрутил пальцем у виска. Кустарник у него за

спиной затрещал, и на поляне появился один из рядовых берсерков – огромный, плечистый парень, похожий на лешего. У него было доброе лицо и короткий шрам на скуле, как от боксерского рассечения. Свой арбалет он демонстративно держал в отставленной руке, показывая, что можно его не опасаться.

– Здоро́во! – сказал он Родиону.

– И тебе не болеть! – неохотно отозвался Родион. Штопочка, сунувшая руку в рюкзак и доставшая из него шнеппер, перестала взводить его и удивленно покосилась на Родиона.

Плечистый берсерк моргнул. Радостное щенячье выражение сменилось обиженным:

– Ты меня не узнал? Это же я!

Родион ухмыльнулся:

– Отчего же не узнал? Узнал. Я увидел, что ты целишься не в меня, а чуть выше моей головы. Меня это позабавило. «Добренький какой! – подумал я. – Все выстрелят, и он тоже. Но чуток промахнется. С кем не бывает? Вроде как и приказа не нарушил, и в расстреле не участвовал».

Берсерк вспыхнул, потому что Родион сказал правду.

– А что я должен был сделать? Своему командиру болт в спину засадить?! – крикнул он, наседая на Родиона грудью.

– Да плевать мне. Делай что хочешь! – сказал Родион, отталкивая его.

Толчок был несильным, однако свою роль выполнил. Берсерк перестал напирать и грустно уставился в землю. Бер-

серка звали Алексей Гурьев. Пару лет назад Родион познакомился с ним у вендов.

Изначально Алексей был даже не венд, а миражист. Он представлял себя то гладиатором, то пиратом, то лучником. Часто до того перевоплощался, что по дороге в колледж зарубал всех мощных мужчин и захватывал в плен всех хорошеньких женщин. Мысленно, конечно, зарубал и в воображении, конечно, пленил, потому что боялся опоздать на первую пару. Кураторша у него была строгая, по фамилии Крот. И вообще колледж был библиотечный, и профессия самая мирная: библиотечное дело. Да и плененных женщин куда девать? К бабушке на балкон? Но они будут там стучать в стекло, ругаться с бабушкой, и их придется отпустить.

На втором курсе Алексей ощутил, что с него хватит. Он не собирается всю жизнь заполнять формуляры и готовить для ближайших школ мероприятия на темы «Знакомство с книжкой» и «Наша малая родина». Слишком уж он был силен и громаден для предполагавшейся работы. Однокурсницы косились на него вопросительно, как на медведя, заблудившегося среди зайчиков. И вообще, Алексей не хотел больше быть миражистом! Желал, чтобы все было на самом деле.

И, совершив самый решительный поступок в своей жизни, миражист бросил колледж. Кураторша долго отговаривала его, когда он явился забирать документы. Успев еще на осенний призыв, Алексей отслужил в армии и подался в вен-

ды. У вендов он провел около года, пока не убедился, что и тут не его место. Нет, венды были ребята неплохие, но все их ценности вполне можно было исчислить, используя лишь пальцы левой руки. Причем если бы на левой руке у кого-то было всего два пальца, то хватило бы и их. Алексей и в армии не был окружен академиками, но венды и тут били все рекорды.

Среди вендов бывшему миражисту было скучно. К пиву и футболу он был равнодушен. Здесь в нем сразу пробуждался бывший библиотекарь. Бегать же по городу за делмэнами и сокрушать носы боевым магам ему поднадоело, тем более что нередко случалось, что и самих сокрушителей поджаривали заживо. Кулак-то летит быстрее заклинания, это верно, но только в том случае, если жертва не заметит тебя первой. Боевые же маги обычно предпочитают угробить двадцать случайных прохожих, чем ошибиться и подпустить к себе хоть одного венда.

И вот однажды Алексей разговорился с парнем из форта Тилля, которого подстерегал совсем с иной целью. Однако сразу напасть на него у Алексея не получилось. Он долго ходил следом, стараясь, чтобы его не заметили. Когда же они оказались на пустынной улице и Алексей готов был уже к прыжку, парень, до того шедший расслабленно и беспечно, внезапно обернулся, и молодой венд обнаружил, что в лоб ему смотрит дуло маленького арбалета.

Однако стрелять берсерк не стал. Он был по-своему

неплохим, и тоже, кстати, из бывших вендов, так что и в Алексее ощутил родственную душу. Они отправились драться на какую-то крышу, но так и не подрались, потому что по дороге у них завязалась беседа, которая завершилась тем, что они проговорили весь вечер и большую часть ночи.

«Все кругом ложь! Все устраиваются как могут. Но жить-то надо! Надо или не надо?» – повторял собеседник Алексея, и хотя мысль была сама по себе скудненькая, возразить Алексею было нечего. Он и сам рассуждал примерно так же. Жить было надо. С одной стороны, конечно, хотелось приносить миру скорее пользу, чем вред, а с другой – желалось и для себя чего-то, чего не могли дать ни венды, ни миражисты. Свои пять копеек счастья. Алексей, как человек в свое время немало прочитавший, давно подозревал, что мир несовершенен. Миром управляют хитрые бездари, главная цель которых – паразитировать на тех, кто не столь изворотлив.

«Мир, – говорил спутник Алексея, с каждым словом хлопая его по спине и как бы вбивая в него свою идею, – изначально разделен на волков и баранов! Волков меньше, баранов больше, а никакой третьей силы, увы, нет, и поэтому лучше быть волком, чем бараном».

Новый друг Алексея был не последним человеком у ведьмарей. Через несколько дней Алексей был представлен одному из сыновей Тилля, затем самому Тиллю. Глава форта берсерков с минуту молча смотрел на него, потом жирная ще-

ка его дернулась, а рука шевельнулась, показывая на дверь. Алексей вышел.

«Ну что? Принял?» – шепотом спросил Кеша Тилль, ожидавший его в коридоре.

«Выгнал!» – сказал Алексей.

«Как выгнал?! Я ж за тебя просил!» – удивился Кеша.

«Ни слова не сказал, только ручкой вот так сделал».

«А щекой дергал? Ну ты даешь! Это он тебе улыбался».

«Мне?»

«Если щекой дернул – значит, ты папе понравился! Ты принят! Вначале, конечно, младшим топорником. А через год, думаю, повысят».

Алексей не знал, верить или нет, но Кеша, похоже, не шутил.

«Через год?» – переспросил Алексей, не зная, зачем об этом спрашивает. Он вообще не был уверен, что хочет к берсеркам, а показываться Тиллю пошел так, без особой цели. Но уже начинал чувствовать, что просто так улизнуть не удастся.

«Раньше года навряд ли. Сам понимаешь, у нас все серьезно. Ну разве что у кого-то из шныров закладку отнимешь. Или в городе зарядную точку обезвредишь!» – сказал Кеша, хлопая Алексея по плечу.

Кеша был малый неплохой и любил протежировать. Его вечно окружали повизгивающие девицы, которых он учил стрелять из арбалета, и крепкие, смотрящие ему в рот юно-

ши, мечтавшие поступить в форт его отца. Вот Паша Тилль – тот был помрачнее. Правда, однажды и на его долю перепала одна повизгивающая девица, перепутавшая его с общительным братом, но это не закончилось ничем хорошим. Паша вздумал посадить ее в седло гиелы. Девица по неопытности шарахнула гиелу слишком высоким разрядом. Гиела от боли сбросила ее и вцепилась в наездницу зубами, потому что оказалось, что по недосмотру гиела была еще и без намордника.

Так Алексей Гурьев стал младшим топорником. Все же бывший миражист и венд не был свободен от угрызений совести. Он поклялся себе, что вредить шнырам не будет. И убивать никого не будет. К тому же пока у него убивать и не требовали.

Сейчас рядом с Родионом Алексей ощущал себя неуютно. Он уже жалел, что вернулся, соврав командиру четверки, что проследит за шнырами. На самом деле побуждения его были иными. Он собирался, воспользовавшись случаем, рассказать шнырам нечто важное.

Пока все это прокручивалось в мыслях у бывшего венда, Штопочка не сводила с него глаз. Алексею не нравился ее взгляд. А говорят еще, что шныры добрые, что от них исходят волны любви к миру! Ага, по этой девице хорошо заметно. Такая волна любви к миру изойдет, что только успей залечь.

– Как дела в ШНыре? – спросил Алексей, страшась мол-

чания, потому что именно в молчании в людях созревают опасные мысли.

Вопрос явно был не из удачных. Родион отвечать не стал. Штопочка же вложила в шнеппер пнуф и, потянув на себя рычаг, через прицел с интересом посмотрела на Алексея.

– В Арктике бывать приходилось? – поинтересовалась она. – Говорят, красивые есть места!

Алексей притворился, что не расслышал. И напрасно, потому что Штопочка вдруг оказалась рядом и толкнула его в грудь. Спасая лицо от ее окаймленных черной грязью ногтей, Алексей заслонился локтем. Все же он замешкался, и Штопочка успела разодрать ему скулу.

– Да перестань ты, бешеная! Что я тебе сделал? Не драться же с тобой! – крикнул Алексей, угрожающе качнув в руке арбалет, который все еще держал опущенным.

– А ты дерись, дерись! Не ту сторону принял, полицай! Думал, немцы надолго, а они раз – и нету их! Ветром сдуло! И гляди у меня: я тебя запомнила! Если узнаю, что ты хоть пальцем кого из наших тронул, – своими руками прикончу! – Штопочка не говорила, а шипела.

Ее губы потрескались, складки у носа покраснели, а на лбу и щеках была сажа от костра. Эту девушку можно было остановить лишь выстрелом из арбалета.

По щеке Алексея с разодранной скулы текла кровь. Она уже достигла края губ, и теперь он ощущал ее вкус. А Штопочка все наступала. Алексей пятился, ощущая жуть и тос-

ку. В поисках защиты он оглянулся на Родиона. Однако одного взгляда было довольно, чтобы определить, что помогать ему Родион не собирается. Родион показался ему в этот миг не менее страшным, чем Штопочка. Лесное, дикое, злое лицо с воспаленными глазами и светлой щетиной на костистом подбородке.

– Да вы что?! Сбрендили?! А ну назад! Убью! – отчаянно крикнул Алексей, вскидывая свой арбалет. Теперь он целил точно в грудь Родиону, и арбалет в руке его не дрожал.

– Наконец-то! – одобрил Родион. – А то все над головой и над головой! А тут определился наконец! Хвалю!

И сухо плюнул на землю. Потом остановился и взял Штопочку за локоть:

– Перестань. Не кидайся на него! А то и правда пальнет со страха. Вон он трясется весь.

– Я кидаюсь? – Штопочка с удивлением посмотрела на свою руку с полусогнутыми, как когти тигрицы, пальцами. – Ишь ты, кровь. Ладно. Пусть валит!

Несколько секунд Алексей держал их на прицеле, а потом, опомнившись, опустил арбалет.

– Психи сумасшедшие! – сказал он жалобно. – Тоже мне: врага нашли! Вы б лучше не по лесам шастали! Вообще представляете, что сейчас в мире происходит?

– И что? – быстро спросил Родион, опуская руку на плечо Штопочке, чтобы она, не вовремя кинувшись, не прервала поток этих сердитых излияний.

– *Болото* перестало выдавать псиос, – сказал Алексей.

Родион кивнул, разглядывая карманы защитной куртки берсерка. Хорошая куртка. Не какая-нибудь «буря в пустыне». Как раз для этих лесов. Нырни в кусты, упади на землю, лицо убери – и все, ты уже исчез.

– И с новыми инкубаторами проблемы? Слышал-слышал. Прикрывается, выходит, ваша лавочка? Ты-то как – поднакопить чего успел или все на курточку потратил? – спросил он сочувственно.

Алексей напрягся. Разговор об этом был ему неприятен отчасти потому, что Родион угадал.

– Ты знал? Ну что *болото* больше не может подселять личинки? – быстро спросил он.

– Догадывался. Наша старая закладка потеряла все силы до капли. Значит, и ваш осколок тоже. А раз так, как он может пронизывать границы миров и извлекать из *болота* личинки эльбов, хоть поначалу они и крошечные, как песчинки? Это все, что ты хотел сказать?

Взгляд Родиона был полон даже не презрения, а бесконечной усталости. Казалось, он и ненавистью не удостаивает бывшего миражиста. Алексей не выдержал. Нет уж, он сумеет их удивить!

– Вчера ночью я дежурил у кабинета Гая! – выпалил он. – Вдруг появились Долбушин и Белдо и прошли к нему… Дверь была приоткрыта, я все слышал. Белдо вернулся из Подземья. Потеряны девять берсерков и две боевые ведьмы.

Штопочка присвистнула.

– Надо говорить: девять героев и две добрые волшебницы! – поправила она. – И где же их потеряли? Суслик в норку утащил?

Алексей быстро и толково – все же как несостоявшийся библиотекарь он хорошо владел словом – рассказал обо всем, что ему удалось узнать о хранилище первошныров и *рогрике*. Он уже заканчивал, когда из леса донесся дважды повторившийся свист.

– Меня ищут. Все, бывайте! – Алексей перебросил ремень арбалета через плечо и нырнул в кустарник.

Штопочка и Родион не стали искушать судьбу и рванули в противоположную сторону. Отбежав километра на три, они затаились. Крошечный овраг походил на окоп. Скрытый со всех концов корнями, он был почти незаметен. Отличное укрытие для стрелка. По грудь высунувшись из овражка, Штопочка положила локти со шнеппером на траву.

– Что думаешь, Родион? Ты ему веришь?

Родион отозвался не сразу. Он сидел на дне оврага и саперкой прокапывал ступеньки.

– Верю. Парень хочет со всеми хорошим быть. Как он передернулся, когда ты его «полицаем» назвала!

– А ведь он и есть полицай, – упрямо повторила Штопочка.

– Ясное дело. Но нарывалась ты напрасно. Ну-ка замри!

Родион осторожно снял с плеча у Штопочки ползущего

клеща и, успокаивая, потрепал ее по шее, как лошадь. Пожалуй, для него это была нежность. И Штопочка тоже поняла, что это нежность, потому что лицо ее стало вдруг широким, полудетским и нелепым.

– Энцефалитный? – спросила она.

– Сейчас узнаем… – Родион сунул клеща в рот. – Не, энцефалитные – они с кислинкой… Ладно-ладно, я пошутил! Вот он!

И он сощелкнул клеща на траву.

– И этот их *рогрик* действительно может прорвать границу между мирами? Она же толстая! – усомнилась Штопочка.

Родион слишком часто нырял, чтобы считать границу толстой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.